

История г-на и г-жи Бэ,
записанная пастором Эриком Фоли

ПОКОЛЕНИЯ ВЕРЫ

**История северокорейской семьи,
на протяжении более пятидесяти лет
исполнявшей Великое поручение
Иисуса Христа в самой опасной
для христиан стране мира**

ПОКОЛЕНИЯ ВЕРЫ

**История северокорейской семьи,
на протяжении более пятидесяти лет
исполнявшей Великое поручение
Иисуса Христа в самой опасной
для христиан стране мира**

История г-на и г-жи Бэ,
записанная пастором Эриком Фоли

ГОЛОС МУЧЕНИКОВ

ПОКОЛЕНИЯ ВЕРЫ

Книга первоначально издана под названием *These are the Generations*
Авторское право © 2012 Голос мучеников
Авторское право защищено.

Библейские цитаты приведены из Синодального перевода, если другой перевод не указан.

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи. Идеи и точки зрения северокаорейских беженцев, представленные в этой книге, не всегда отражают убеждения «Голоса мучеников». Несмотря на это, мы сочли важным донести до читателя взгляды северокаорейцев такими, какие они есть.

Главный редактор — Маргарита Тучкова
Редакторы — Светлана Фотина, Пётр Никитин

Для получения дополнительной информации о «Голосе мучеников» и наших ресурсах, которые включают в себя наш молитвенный бюллетень, посетите сайт www.vom-ru.org.

Вы также можете подписаться на наши печатные и цифровые материалы по адресу info@vom-ru.org.

Присылайте нам свои фото о распространении наших материалов, а также свидетельства о том, как они действуют в вашей жизни и жизнях тех, кто вас окружает. Без обратной связи с вами мы не знаем, как Бог использует наш труд. Ваши сообщения послужат огромным ободрением команде «Голоса мучеников».

О «Голосе мучеников»

В Евангелии от Луки 9:23 Господь Иисус говорит: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Это может звучать грустно и тревожно для христиан, идущих мирским путём. Такие христиане часто сочувствуют тем, кому приходится страдать за веру. Они надеются на жизнь, полную процветания, без боли для себя и других.

Однако существует «великое облако свидетелей» (Евр. 12:1), которое знает лучший путь. Это мужчины и женщины из разных стран мира и нашей собственной страны, как из прошлого, так и наши современники, которые отдают свою жизнь Господу в одно мгновение или демонстрируют Его жертвенную любовь в течение многих лет. Они учат нас тому, что Божья любовь сто́ит любой человеческой боли и что такую любовь не может остановить никакая сила на земле, включая смерть. Их путь — единственный путь к глубокой и вечной радости. Это нормальная христианская жизнь.

«Голос мучеников» призван помочь братьям и сёстрам со всего мира помнить об этом пути и вместе научиться идти по нему. Мы делаем это, внимательно прислушиваясь к голосу Иисуса, а также христианских мучеников и современных преследуемых христиан, которые следуют за Ним, несмотря ни на что. Мы сотрудничаем и общаемся с теми, кто страдает за Христа, не из жалости, сочувствия или желания спасти их, а из убеждения, что жертвенная любовь Христа — это величайшее сокровище, которое люди могут получить от Бога и отображать в своей жизни.

Организация «Голос мучеников» была основана в 1967 году пастором Ричардом Вурмбрандом, который отбыл четырнадцатилетний тюремный срок в коммунистической Румынии за веру в Иисуса Христа. Его жена Сабина три года провела в исправительно-трудовых лагерях. В 1965 году Ричарда и его семью выкупили из Румынии, и они основали всемирную сеть миссий, которые до сих пор служат преследуемому Телу Христову.

Предисловие

Когда мы с женой рассказываем о Северной Корее на всевозможных конференциях и семинарах, люди задают один и тот же вопрос: «Как нам молиться за северокорейских христиан?» Поэтому мы решили задать его группе братьев и сестёр из северокорейской подпольной церкви. Они ответили: «Молиться за нас?! Это мы молимся за вас!»

На наше удивление, почему они молятся за нас, подпольные верующие ответили: «Потому что у христиан на Западе есть богатство, свобода и власть. И большинство из них не знают, каково это, когда всё, что у тебя есть в жизни, — это Бог».

История г-на и г-жи Бэ является свидетельством того, что северокорейские христиане не ищут жалости и не жаждут свободы превыше всего. Вместо этого, постоянно находясь под угрозой смерти в единственном в истории человечества обществе, построенном как преднамеренное искажение христианства, они ищут и жаждут Царства Божьего.

Нам может показаться странным столь отчаянное желание правительства Северной Кореи избавиться от христиан. В конце концов, кроме христианства, оно, похоже, не боится ничего. Страна располагает четвёртой по численности регулярной армией на планете, насчитывающей более 1,1 миллиона военнослужащих¹. У них самый большой контингент войск спецназначения в мире² — даже больше, чем у США и Китая. Экономические санкции на самом деле не замедляют процесс развития страны, поскольку 80 процентов экономики относится к теневому сектору³. Они зарабатывают миллиард долларов в год за счёт отмывания денег и незаконного оборота наркотиков⁴.

И это не беря в расчёт прибыли от торговли оружием. Так почему же они настолько старательно уничтожают христиан?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует отказаться от сложившегося стереотипа, что коммунистическая Северная Корея является атеистическим государством. Правда состоит в том, что эта страна почти наверняка — самое религиозное место на земле. Более того, религия Северной Кореи может показаться нам очень знакомой.

Религия Северной Кореи (правительство предпочитает термин «идеология») называется *чучхе* и переводится как «самообеспеченность» или «упование на собственные силы»⁵. Каждую неделю все без исключения граждане страны собираются в специальных зданиях, где проводятся собрания, называемые «заседаниями по самокритике»⁶. В чучхе даже существует своя собственная троица — Ким Ир Сен, его жена и их сын Ким Чен Ир⁷, и, что примечательно, почитание последнего не ослабло даже после его смерти и прихода ко власти его наследника Ким Чен Ына. Во время этих еженедельных заседаний северокорейцы поют гимны из сборника, содержащего шестьсот хвалебных песен, прославляющих Ким Ир Сена и Ким Чен Ира⁸. А в 1998 году, когда Северная Корея попыталась вывести на орбиту спутник, чтобы непрерывно транслировать гимны чучхе по всему миру, к сожалению для них, он рухнул на землю⁹.

Северокорейцы молятся, благоговейно взирая на портреты вождей династии Ким, обязательно висящие на почётном месте в каждом доме¹⁰. Первый из династии, Ким Ир Сен, умер в 1994 году, однако северокорейцы продолжают называть его президентом страны и почитают бессмертным богом Северной Кореи¹¹. Китайский репортёр однажды поинтересовался у молодого северокорейского студента:

«Уделяете ли вы определённое время, например перед сном, для Ким [Ир Сена]? Общаетесь ли с ним? Он отвечает вам?»

«Да», — ответил студент¹².

Что касается Ким Чен Ира, поверье гласит, что на небе появилась звезда, когда Ким Чен Ир родился в скромном бревенчатом доме в середине зимы. Как написал один из репортёров: «Не хватает только трёх волхвов с верблюдами»¹³.

Если чучхе напоминает вам искажённую имитацию христианства, можете себе представить, почему правительство Северной Кореи так усердно пытается искоренить его: ведь только христианство может сорвать с чучхе маску, которая являет собой подделку истинной веры. Именно поэтому Северная Корея прилагает такие огромные усилия, чтобы истребить на своей территории каждого христианина.

Христианство пришло в Северную Корею раньше, чем в Южную. А к 1941 году уже около трёхсот тысяч северокорейцев называли себя христианами¹⁴. Однако первая христианская кровь пролилась на северокорейской земле не по приказу Ким Ир Сена, а по приказу японцев, под чьей оккупацией Корея находилась с 1910 года до окончания Второй мировой войны. Большинство корейских христиан по совету своих пасторов выполнили требование оккупантов поклониться японским синтоистским святыням. Однако не все церкви последовали их совету, и тех, кто сопротивлялся, нещадно преследовали. Некоторые бежали через границу на северо-восток Китая, однако продвижение Японской империи в этот район означало, что и там корейские христиане подвергались преследованиям.

После освобождения Кореи от Японии страна была условно поделена на северную и южную административные зоны. Север находился в сфере влияния Советского Союза. Христиане, оказавшиеся на северной территории, отказывались поддаваться коммунистическому влиянию, и первоначально их численность позволяла им оказывать сопротивление. Тогда Ким Ир Сен, безусловно, понял, что для установления господства коммунизма христианство необходимо искоренить.

Сначала правительство нанесло экономический удар по церкви, конфисковав имущество христиан под эгидой закона о земельной реформе 1946 года. В 1949 году, когда Север готовился к войне, Ким Ир Сен приказал арестовать всех, кто участвовал в какой-либо религиозной деятельности. И снова пролилась кровь верующих. Бесчисленные тысячи людей, истории которых, к сожалению, теперь утеряны, пострадали за Христа.

После войны в Северной Корее здания церквей либо полностью сносили, либо их переоборудовали под исследовательские центры жизни и деятельности Ким Ир Сена. Христиан, которые не бежали на юг во время войны, объявили контрреволюционерами и подвергли публичной казни или заключению в трудовые и концентрационные лагеря. В 1959 году правительство инициировало кампанию по пропаганде антихристианской литературы. «Почему мы отрицаем религию?» — одна из пропагандистских книг, в которой утверждалось: «В последние три года Корейская и Южно-Корейская войны были спровоцированы во имя Бога и возглавлялись американцами, что привело к массовым убийствам, поджогам, грабежам и другим действиям, направленным против человечности. Это доказательство того, что религия является причиной всех зол».

Обвинённые в развязывании войны в качестве заговорщиков вместе с ненавистными американцами, северокорейские христиане подверглись гонениям, их массово казнили на протяжении 1960-х годов, и официальная церковь была полностью подавлена. Немногочисленные выжившие христиане стремились сохранить веру, перейдя в подполье.

Конечно же, подпольная церковь не имела ни официальной организации, ни структуры. Любая связь с другими верующими несла в себе смертельную опасность. Пастырское обучение стало невозможно. Большинству христиан приходилось проводить тайные домашние богослужения при участии исключительно близких, наиболее доверенных членов семьи. Те, кто уверо-

вал во Христа до окончания Корейской войны и ещё успел пройти обучение или хоть какую-то подготовку, становились всё старше; в какой-то момент средний возраст христиан стал составлять шестьдесят лет и старше. В стране осталось лишь несколько не уничтоженных Библий и крестов, но и те находились в повреждённом состоянии. Родителям нельзя было рассказывать детям о Боге, поскольку в школе учителя могли хитростью выведать у учеников о вере членов их семьи. Если родители-христиане умирали до того, как ребёнку исполнялось пятнадцать лет, он чаще всего так и оставался в неведении о том, что его родители были христианами.

В начале 1980-х годов созданная правительством Корейская христианская ассоциация открыла показательную церковь, целью которой было убедить иностранных гостей в том, что верующие страны имеют возможность свободно исповедовать свою веру. Во время тщательно инсценированных ассоциацией богослужений небольшая группа специально подготовленных актёров пела гимны из «Сборника псалмов» пресвитерианской церкви Кореи, созданного в середине 1930-х годов. А в 1984 году северокорейские коммунисты перевели и напечатали небольшое количество Библий и сборников христианских гимнов. В 1988 году было завершено строительство здания первой показательной церкви, а в 1989 году — открыты ещё две церкви — «Бонгсу» и «Чулгол», где при наличии посетителей организовывались религиозные мероприятия, такие как рождественские и пасхальные богослужения¹⁵.

Однако именно в этот период начала наблюдаться подлинная религиозная деятельность, ставшая огромной неожиданностью для властей. Примерно в то же время Китай стал более открыт для жителей КНДР. В начале 1990-х годов христиане из этнических корейцев, проживающие в Китае, вдохновлённые южнокорейскими миссионерами, отправились в Северную Корею, чтобы проповедовать там Евангелие. Тогда во время

«Трудного похода» — беспрецедентного периода голода в середине 1990-х — сотни тысяч северокорейцев бежали в Китай и Россию, где христианские миссионеры привели их к вере во Христа. Многие стали преданными Его последователями, а затем вернулись в Северную Корею с видением возобновить северокорейскую церковь.

Число подпольных христиан стремительно росло, а вместе с ним и число мучеников за веру. После возвращения на родину эти новообращённые подвергались арестам по обвинению в шпионаже. Сначала Департамент по вопросам борьбы с коррупцией и обеспечения честности и неподкупности проводил расследования в отношении отдельных лиц на основе доносов соседей, сделанных из страха перед правительством. А после расследования христиан либо публично казнили, либо отправляли в концлагеря.

Ныне, когда Ким Чен Ын отправил сорок тысяч северокорейских рабочих в сорок стран мира в попытке обеспечить приток столь необходимой твёрдой валюты¹⁶, продолжает расти вероятность пересечения северокорейцами границы и их возвращения в Северную Корею вместе с иностранной валютой, а также с Евангелием. Тем не менее северокорейские христиане не могут засвидетельствовать о своей вере, пока не убегут в другую страну и не получают там гражданство. Чаще всего такой страной является Южная Корея. В настоящее время в Южной Корее насчитывается более двадцати трёх тысяч северокорейских беженцев¹⁷, и менее 1 проценту из них известно о существовании в Северной Корее подпольной христианской церкви. Большинство беженцев впервые услышали о Боге в Китае. Многие из них посвятили себя миссионерскому служению и пытаются вернуться на родину, чтобы проповедовать там Евангелие. В наше время, по наиболее достоверным данным, на территории Северной Кореи находится около ста тысяч подпольных христиан.

Такова история христианства в Северной Корее — даты, подробности и статистика. Последние десять лет мы с супругой распространяли её на всех континентах мира. Но в прошлом году мы услышали историю, которая настолько поразила меня, что я решил пересказать её вам. Мы познакомились с супружеской парой, которую из соображений безопасности я назову г-н и г-жа Бэ, скрыв их настоящие имена. Их семья стала свидетелем всех этапов развития христианства в КНДР: от преследований во времена японской оккупации через сгущающуюся тьму образования северокорейского государства, годы абсолютной тишины, изоляции и террора, воссоединение с миссионерами в Китае, а теперь и прибытие в Южную Корею, чтобы поведать свою историю миру. Их свидетельство — о чудесном Провидении, спасшем их от голодной смерти; об избавлении от зла и попадании прямо в Его любящие руки; о вере настолько смелой, что она сотрясала города, и о вере настолько тихой, но непоколебимой, что она оставалась незамеченной под самым носом недремлющих властей.

Это история, которая как нельзя более ясно продемонстрирует миру, насколько северокорейская подпольная церковь отличается от любой другой церкви в мире и, таким образом, насколько она прекрасна и драгоценна, а опыт её насколько поучителен. В течение многих лет наше (неверное) представление о северокорейской подпольной церкви состояло в видении её как более экстремальной версии китайской подпольной церкви, где под покровом ночи верующие, тайком переглядываясь и пряча Библии, собираются горстками в пещерах и домах верующих. Однако подпольная северокорейская церковь, о которой мы узнаём из почти вековой истории семьи Бэ и о которой пойдёт речь в этой книге, до основания разбивает все наши стереотипы о подпольной церкви. Как вы убедитесь, северокорейские подпольные христиане похожи на людей, которые унаследовали небольшую горстку сильно помятых и

почти выцветших кусочков пазла. Они знают, что переданное им сокровище бесценно, однако и представить себе не могут, какая картина получится, если собрать все её частицы воедино. Они оберегают доставшиеся им кусочки пазла ценой собственной жизни, и даже сама их жизнь посвящена тому, чтобы как можно глубже погрузиться в понимание имеющихся у них частиц, чтобы обеспечить их передачу из поколения в поколение и отыскать дополнительные составляющие и информацию о коробке, на которой можно увидеть полную картину.

Нынешние северокорейские христиане, о которых вы, возможно, слышали, не являются христианами такого типа. Чаще всего современные северокорейские христиане — это те, кто узнали о Христе недавно, во время пребывания в соседнем Китае, и привезли это знание, вместе со множеством обучающих программ и учебных материалов, с собой обратно в Северную Корею. Однако семья Бэ не принадлежит к овцам сего двора. Они — остаток, рождённый мучениками, наследники бесстрашной веры своих праотцов, хранители Евангелия в наиболее тёмном уголке мира, Божий остаток из семи тысяч тех, которым Он поручил почти невыполнимую задачу никогда не преклонять колени перед Ваалом¹⁸, возможно, в одной из самых идолопоклоннических стран, когда-либо существовавших в истории человечества.

Название книги *«Поколения веры»* связано с фразой «в роды их», часто повторяющейся в Книге Бытие, когда Бог даёт повеление, которое должны были соблюдать потомки израильского народа. Точно так же оно относится и к поколениям северокорейской церкви. Это поколения, о которых мы не знаем ничего, кроме дат, цифр и статистики, которые и представляют собой след, оставленный ими после себя. Теперь они предстают перед нами в полном цвете, не как живые святые, а как бизнесмены и пекари, узники и пророки, благовестники и невидимые столпы незыблемого Царства.

Г-н и г-жа Бэ всё ещё находятся при исполнении миссии, хотя это не личная миссия или видение, которое началось с них. Это вера, которую они унаследовали, то, что они обязаны хранить и донести до конца. Меня удивляет и смиряет степень той драгоценной и совершенной верности, которую они проявили несмотря на то, что у них было гораздо меньше частиц пазла, чем у меня, не говоря уже о том, что они понятия не имели, как должна выглядеть собранная картинка целиком.

Я до сих пор слышу ответ северокорейских подпольных христиан на наш вопрос, заданный им несколько лет назад. «Вы молитесь за нас?! Это мы молимся за вас!» Мы можем иметь полный комплект пазла и даже коробку с инструкциями и изображением картинки, которая должна получиться, а они с трепетом и благоговением сжимают в руке один смятый и выцветший кусочек, зная лишь Создателя всего, поклоняясь Ему и уповая на Него так, как мне ещё только предстоит научиться это делать. Имея относительное благосостояние, власть и свободу, я слишком часто перевожу свой взгляд на другие пазлы, чтобы в конце концов понять, что на самом деле только этот один имеет значение.

*Эрик П. Фоли, исполнительный директор организации
«Голос мучеников»*

22 июня 2012 года

Сеул, Корея

ГЛАВА 1

Дед — христианский фанатик

Г-н Бэ

Некоторые свидетельства веры настолько удивительны, что с нетерпением хочется узнать, чем же они закончились. Так было всегда с историями, которые рассказывал мне дедушка. Я, одиннадцатилетний северокорейский мальчик, скорбящий о смерти деда, тёмными зимними вечерами умолял бабушку снова и снова пересказывать мне его истории, хотя мы оба знали, что рассказывать или даже слушать их — это акт измены, который ставит под угрозу жизнь всех членов нашей семьи. Годы спустя, когда я в течение тринадцати месяцев с раннего утра до десяти часов вечера целыми днями сидел в одной позе на холодном полу северокорейской тюрьмы, я ворошил в своём сознании воспоминания о мельчайших подробностях этой истории буквально дни напролёт. И сейчас, когда я работаю на автомойке в Южной Корее и, повинувшись Божьему призыву, воспитываю дочь целительницей нашей разбитой, разделённой нации, именно его истории воскресают в памяти, когда я взираю на небеса.

Как бы я хотел, чтобы вы знали моего деда! Я расскажу вам историю его жизни о том, как с ним говорил Бог, да так громко, что он чуть не оглох; как по Божьей благодати он неоднократно спасал свой городок, повинувшись Божьим повелениям, которые часто озадачивали его (причём каждое последующее — пуще предыдущего); как он благовествовал бандитам и солдатам ок-

купационной армии; как он пожертвовал собой, чтобы предотвратить сожжение церкви (когда пастор церкви спрятался). Я уверен, вы захотите пролистать главу до конца, чтобы узнать, чем всё это закончилось.

Поэтому я избавляю вас от этого искушения, начав рассказ с конца.

Итак, мой дед сжёг все Библии, как повелел ему Бог, и таким образом обвёл власти Северной Кореи вокруг пальца. А Евангелие продолжало распространяться.

Такой финал может показаться весьма необычным для свидетельства о верности и непоколебимости веры, передававшейся из поколения в поколение, но Северная Корея — не то место, где быть верным Богу легко. В этой стране христиане всеми своими разумом, душой, телом и крепостью стремятся оставаться преданными Богу, и это, почти в каждом случае, достигается ценой жизни. Поэтому эта верность и является такой драгоценной, и эти истории часто имеют необычные начало и конец. И настоящее свидетельство не является исключением.

История моего деда начинается не в Северной Корее. В те времена не было ни Северной, ни Южной Кореи — только одна Корея, находящаяся под жёстким гнётом Японской империи, сметающей всё на своём пути тайфуном, пронёсшимся также и по Китаю. Но вы, возможно, удивитесь, узнав, как Бог повелел моему деду встать посреди этого бушующего тайфуна и утихомирить его во имя Иисуса!

Однако я слишком забегаю вперёд. Позвольте мне начать с самого начала.

Мой дед покажется вам легендарной личностью. Но для меня он был просто дедушкой — отцом моей матери и старейшиной церкви, хотя прежде всего он был Божьим слугой, которому довелось жить в страшном месте в один из самых тёмных периодов истории.

Он был в равной степени любящим и искренним, умным и добрым. В любое время дня вокруг него собирались люди, многие из них следовали за ним, куда бы он ни шёл. Даже лучше, чем собственно лицо деда, я помню выражения лиц этих людей, когда они приветствовали его. Когда, будучи ребёнком, я видел, с каким почтением к деду относились даже те, кто обладал властью, меня переполняла гордость. Однако сам он никогда не гордился, всегда останавливался, чтобы помочь нуждающимся, утешить, ободрить и призвать людей к вере в Бога.

Моя семья вспоминает то время, как мимолётный сон, иногда даже предаваясь на миг сомнению, действительно ли то, что её члены пользовались таким уважением и почётом, на самом деле имело место? Это было золотое время! И тогда, и намного позже дед говорил нам, что Бог всегда заботится о нас, каким бы мрачным нам ни казалось всё вокруг.

Именно во времена Второй мировой войны, посреди грохота танков и миномётного огня, дедушка впервые услышал голос Бога. Ему пришлось услышать его, когда японцы неудержимо прорывались на северо-восток Китая, где в тот момент жила моя семья. Когда бабушка рассказывала мне историю противостояния деда японцам, я всегда задавался вопросом, когда дед научился так хорошо говорить по-японски, помимо владения корейским и китайским языками. Наверное, солдаты японской армии, которые пришли в тот день, чтобы разрушить церковь, тоже задавались этим же вопросом.

Японцы угнетали китайский народ в Китае больше, чем находившихся там корейцев. В их сознании китайцы были нецивилизованными и грязными, а корейцев они считали таковыми чуть в меньшей степени. Однако ничто не могло подготовить их к встрече с моим дедом.

Он постился несколько дней, когда, по словам бабушки, услышал, как Бог позвал его по имени, да так оглушительно громко, что все остальные звуки на мгновение утихли.

«Сунг До! Сунг До! *Сунг До!* — прозвучал громогласный могущественный голос. — Японцы не причинят тебе вреда. Иди к ним».

Идти к убийцам, которые охотились на христиан, вламываясь в церкви, и убивали всех на своём пути?! Когда, по словам бабушки, это произошло впервые, дед был уверен, что услышался. Поэтому он просто оставался на месте, где молился. Голос повторил те же слова ещё три-четыре раза.

Дед завершил молитву и пост и пришёл к выводу, что действительно слышал голос Бога, поэтому ему следует подчиниться повелению, и, вместо того чтобы бежать, должен идти к японцам.

Безумие! Должно быть, подумали солдаты японского батальона, которые пришли разрушить церковь. Подозреваю, что и пастор церкви помыслил так же, наблюдая за происходящим из укрытия. Мой дед, однако, спокойно стал в дверном проёме церкви и обратился к солдатам, как к друзьям, по-японски. Он просил их не разрушать церковь.

Японцы были ошеломлены, увидев этот живой щит, к тому же превосходно владеющий их языком. «Среди ободранцев один отлично говорит по-японски!» — удивились они, замерев на месте с топорами и кувалдами в руках. А дедушка в это время объяснял, почему верующие собирались в церкви, кто такой Бог и почему солдаты должны покаяться и ответить на Божий призыв принять Христа, чтобы примириться с Богом. По словам бабушки, в тот день многие японские солдаты стали христианами. А церковь осталась невредимой.

Одни христиане уже успели бежать из города, а другие остались, подражая примеру деда. И хотя он не был пастором, они всё же последовали за ним. Деда называли «христианским фанатиком» (да, таково было его прозвище) даже в старости.

Не знаю, хотел ли вообще дедушка слышать Божий голос, поскольку обычно он был признаком приближения беды,

которая вскоре потребует от него рискованных действий, прямо противоположных шагам, продиктованным рассудком здравомыслящего человека. Так, вскоре после случая с японцами, когда Бог использовал его, чтобы спасти церковь (он был смирён, хотя я думаю, что также был очень рад, что во время столкновения с японцами всё сложилась настолько успешно), этот оглушительный голос снова произнёс его имя, и он наверняка вздрогнул.

И когда голос сказал: «Если ты не хочешь, чтобы жители города умерли, уйди из города и работай», это определённо привело деда в замешательство. Идти работать? Он попросил Бога помочь ему понять, что именно следовало делать. Однако, чем больше подробностей он получал, тем с большей силой возрастало его беспокойство. Голос сказал деду обойти дома всех горожан, христиан и неверующих, и попросить их сбережения, при этом не упоминая Бога. Взять всё, что дадут, и отправиться в путь. Вложить деньги в дело, а затем, через сорок дней, вернуться обратно в город.

Должно быть, для деда было униительно ходить из дома в дом, обращаясь к жителям города с такой странной просьбой. Разумеется, кто-то насмехался и издевался над ним, однако, к его огромному удивлению, таковых было совсем немного. В конце концов, несмотря на то что и христианине, и неверующие называли его «христианским фанатиком», никто не сомневался в его мужестве, выдержке и Божьем покровительстве, явленных перед лицом японских захватчиков. И я уверен, что именно Бог расположил сердца многих людей, чтобы они отдали деду свои сбережения. Среди них были и те, кто в тот год потерял урожай, но всё равно отдали ему всё, что у них было.

Почти через сорок дней после того, как дедушка ушёл, на городок напали грабители. Это напоминало нашествие саранчи. Они спустились в город с окрестных гор и унесли всё, что только можно было. Как рассказывала бабушка (она и остальные

члены нашей семьи были очевидцами этой трагедии), грабители смели всё подчистую.

Жители города не могли не заметить, что следующий день после того, как бандиты уехали из города, был днём, когда должен был вернуться мой дед. Однако он так и не появился.

На следующий день один из жителей города пошёл в дом бабушки и начал ругать и обвинять её. Потом он схватил её и несколько раз толкнул так, что она ударилась головой об стену.

Другие тоже поступали ненамного лучше. Тогда все переживали наихудшие времена. Многие голодали из-за неурожая. К чести бабушки, она пошла по домам, чтобы поделиться с семьями оставшейся едой и убедить их потерпеть до возвращения деда. Некоторые были весьма тронуты её заботой и отвечали согласием, несмотря на то что могли умереть, так и не дождавшись его возвращения. Однако большая часть граждан по-прежнему выражала недовольство.

Наконец, раздав всё, что у неё было, и не ев в течение длительного времени, бабушка сильно ослабла и потеряла надежду. Через сорок три дня после ухода дедушки бабушка решила, что, если в тот день он не вернётся, она покончит с собой. Твёрдо решив исполнить задуманное, она собрала детей и вывела их на причал.

Дедушка всегда носил на шее белый шарф. На рассвете бабушка с детьми ждали деда, наблюдая за тем, как вставало солнце. Вскоре они увидели приближающуюся лодку, но не могли разобрать, кто был на борту. Когда же бабушке удалось смутно разглядеть фигуру, она увидела на ней белый шарф. Человек в лодке снял его и начал размахивать им. Бабушка помахала ему в ответ. Это был дед!

По мере того как лодка приближалась, они с детьми танцевали и плакали от радости. Бабушка хотела сообщить о возвращении деда соседям, но из-за голода, ослабившего её физическое состояние, не смогла этого сделать.

Деда не было сорок три дня. В тот день также и другие горожане пришли на причал с мыслью о самоубийстве, ведь дед был их единственной надеждой. Бабушка уверена, что они пришли в поисках пропитания и, если бы дед не вернулся, они непременно исполнили бы своё намерение. Она рассказывала, что к тому моменту, когда лодка с дедом наконец причалила к берегу, пристань была усыпана множеством собравшегося там народа.

Из-за давления толпы у деда не было времени для личных приветствий или обмена информацией. Кто-то должен был обратиться к этой жаждущей, голодной толпе, и бабушка, осознавшая благословение свыше в виде такого благоприятного поворота событий, вызвалась выполнить это простое задание.

Бабушка вошла в лодку и обратилась к горожанам, которые в последнее время проявляли по отношению к ней столько ненависти. Она сказала, что не позволит им брать ничего из припасов, находившихся в лодке, потому что они вели себя так жестоко и агрессивно, и упрекнула в недоверии к ней и к её мужу и в том, что они не допускали, что могли сложиться обстоятельства, которые помешали ему вернуться вовремя. Потом бабушка добавила, что лодка наполнена продовольствием, но они не собираются раздавать его из-за жестокосердия тех, кто толкнул её так, что она ударилась головой о стену. Все тихо всхлипывали и просили прощения. Далее она напомнила присутствующим, что никогда не обманывала жителей города, а только жертвовала ради них собой и делилась с ними личными запасами еды.

Затем дедушка нежно похлопал бабушку по плечу и сказал: «Погоди. Позволь мне поговорить с ними». Он обратился к присутствующим и объяснил, что его дело — приводить людей к Богу. Он заверил их, что затеял всё не ради денег, а чтобы быть послушным Божьему повелению, потому что именно Бог сказал ему спасти жителей города. Он напомнил

всем, что он христианин и знает, что нехристианам будет трудно понять то, о чём он собирается говорить. Если бы он не уехал, то деньги, которые ему дали жители города, забрали бы грабители. Это придаёт ему уверенности, что именно Бог отправил его из города, чтобы спасти их, и они должны поверить в Него. Он рассказал, что Бог позволил ему заработать так много денег, что жителям города хватит продовольствия на следующие несколько лет. Все верующие и даже неверующие одобрительно закивали.

Затем дед попросил тех, кто доверился ему и отдал свои сбережения, встать на одну сторону. Он объявил, что каждый из них получит во сто крат больше того, что отдал. *Во сто крат!*

Присутствующим стало стыдно, и они начали умолять бабушку и дедушку спасти их от голода. «Спасите нас! Спасите нас! Спасите нас!» — просили они. Дед сказал, что будет доверять только тем, кто откликнулся на его призыв, но подчеркнул, что Бог попросил его уйти из города, чтобы спасти всех людей. Поэтому он спросил остальных жителей города: «Верите ли вы теперь в Бога?» Они ответили: «Да! Да! Мы верим в Бога!» Они размахивали руками, громко кричали, так что совсем не были похожи на голодающих.

То, что последовало после, удивило присутствующих. Дедушка раздал *всем* одинаковое количество продовольствия, независимо от того, дали они ему свои сбережения или нет. С того дня все в городе начали ходить в церковь.

После всего этого можете себе представить, как деда подхватила волна славы. Однако очень скоро после его возвращения, когда тот же знакомый голос опять оглушительно нарушил тишину его ежедневной молитвы и поста, громко позвав его по имени, дед, должно быть, хотел бежать от него. И когда этот голос приказал ему *немедленно* забрать с собой семью и покинуть город, мне вполне понятно, почему он изначально воспротивился этому повелению. Ведь он приобрёл безупречную

репутацию среди его жителей. Защитник церкви! Предприниматель от Бога! Благовестник, которому нет равных!

Но голос стоял на своём. Он утверждал, что наступило время ещё раз спасти город, на этот раз покинув его. Дед с семьёй уныло уезжали, в то время как озадаченные и недоумевающие горожане наблюдали за этим никому не понятным и грустным зрелищем. *«Какой странный человек, — думали они. — Добившись такого уважения и почёта, он оставляет всё ради ничего»*. Они, наверное, ещё долго вспоминали этого странного человека и странное обещание Бога спасти их город. Вскоре после отъезда деда вспыхнул тиф, который многих истребил. Одни умерли от болезни, другие остались инвалидами. Однако наша семья спаслась по благодати Божьей.

А как же обещание Бога, что дед спасёт город? Это, быть может, покажется вам самой странной историей из всех. Покинув свой город, дед с семьёй переехали в другое место, где жили его двоюродные братья. Но тот городок находился в плачевном состоянии — там проживали несколько богачей, разбойники, воры и множество отъявленных злодеев. Это был истинный Содом и Гоморра.

Дед и его семья разгрузили свои пожитки и стали жить в этом городке. Они провели следующий год, оказывая помощь бедным, как это было у них заведено. Со временем дед с семьёй оказались в крайне тяжёлых условиях. В их дом вломился грабитель. Бабушка сетовала на судьбу, а дедушка продолжал молиться. Он считал, что Бог испытывает, насколько сильна их вера.

Через год дед снова услышал голос Бога три раза и так же громко, как раньше. И смысл послания был тем же: «Ты спасёшь жителей города».

Дед рассказал об этом жене. Её конечно же встревожила эта новость, потому что они сами перебивались как могли, и было трудно представить, что они смогут спасти даже себя,

не говоря уже о спасении всего города, в котором жили. Бабушка полагала, что дед должен снова отправиться на заработки, и что-то подсказывает мне, что её не особо радовала мысль о возможности повторения ситуации с нанесением ей разгневанными соседями травм головы. Но дед сказал, что собирается остаться, поскольку Бог не сказал ему никуда идти. Он призвал бабушку верить, что у Бога есть Свой план. И они решили ждать.

В той горной местности банды грабителей не были редкостью. Одни, казалось, имели немного совести и грабили только богатых, другие же были озлоблены на весь мир и обчищали до нитки всех и каждого. Так в городе появилась банда «благородных» воров, которые грабили зажиточных граждан. Представьте себе их удивление, когда какой-то бедняк, мой дедушка, прервал их «дело», чтобы наставить их на путь истины. Он стал объяснять им, что грабить кого бы то ни было, и бедных, и богатых, — грех. Его обращение мало походило на религиозную проповедь, целью которой являлось обратить их к Богу. Ошарашенные речью деда, они ненадолго остановились, однако достаточно надолго, чтобы услышать и уразуметь смысл его слов.

Тогда главарь банды (вероятно, пытаюсь понять, почему бедняк рискует жизнью, защищая богатых соседей, которые, очевидно, не очень-то проявляли благосклонность к его семье) поинтересовался у деда, родной ли ему этот город. На что дед ответил отрицательно. Он говорил с главарём, как с уважаемым гостем, и рассказал о том, что он родился и жил в другом городке, и упомянул его название.

Услышав название города, где родился и жил мой дед, главарь очень удивился и поведал ему (и моей бабушке, которая наблюдала за происходящим с огромным интересом) тайну, что их банда недавно ограбила несколько домов богачей в том городке, где они слышали историю о человеке, который однаж-

ды спас весь город от голода до того, как на них обрушилась эпидемия брюшного тифа. Бандит спросил, знает ли бабушка того человека.

Тут бабушка уже не могла удержаться. «Это он! Это он!» — воскликнула она. Но это только ещё больше озадачило главаря. Почему, спросил он, такой человек оставил достаток и влияние и переехал в городок, где его ждали лишь нищета и лишения?

Здесь дед уловил отличную возможность привести главаря к Господу. Он поделился свидетельством о том, как Бог вывел его из города, чтобы впоследствии он спас его жителей от голода. Бандиты ухмылялись, слушая рассказ деда, задаваясь вопросом, как такому человеку без денег и влияния удалось спасти кого-либо?

Но бабушка продолжал смелое свидетельство. Он заявил, что верит, что Слово Бога — это его жизнь и что благодаря Богу он спасёт жителей и этого города. И хотя в данный момент ему нечем им помочь, он уверен, что в своё время Бог обязательно даст ему знать, что делать.

Когда дед сказал это, главарь банды разразился смехом. Он указал через плечо на большой тяжёлый станок для обработки риса, который тащили несколько его приспешников. «Мы уже побывали во всех городках и деревнях в этом районе, — пояснил главарь, — и теперь время двигаться дальше. Этот станок слишком тяжёл, чтобы нести его за собой. Бог привёл тебя к нам в самый подходящий момент. Теперь ты сможешь спасти жителей всей окрестности!» И остальные члены банды дружно расхохотались.

Когда дед пошёл взглянуть на станок, бандиты, которые его несли, сказали, что в начале были очень рады заполучить его, но потом он стал им обузой. Они также подарили ему лошадь. Так дед мгновенно снова разбогател, став владельцем станка для обработки риса и красивого, а самое главное, полезного животного.

Однако деда гораздо больше интересовали души грабителей, нежели его финансовое благополучие. Он оставил станок и обратился к главарю с призывом покаяться и поверить, что Бог — живой Бог. «Верни всё, что ты украл», — призывал он.

Главарь быстро отмахнулся от мыслей о Боге и сказал, что его люди нуждаются в мясе и других продуктах, которые они украли. Но в качестве прощального подарка он решил подарить всем жителям шёлк, чтобы компенсировать их потери. Они расстались друзьями, как это часто случалось с дедом и его недоброжелателями, и главарь выразил надежду, что дед действительно спасёт и этот город благодаря своему «странному» Богу.

По словам бабушки, главарь обещал вернуться, хотя так и не сдержал своего слова. Однако благодаря Божьей благодати и провидению дед действительно спас город. Бабушка и дедушка преуспели в обработке риса и хорошо заработали на этом. Они покупали рис, в котором нуждались и сами, и другие жители города.

Всё это происходило незадолго до того, как голос вновь позвал деда: «Сунг До, Сунг До! *Сунг До!*» Как и раньше, это случилось, когда дед молился. Бог сказал ему: «Пора тебе уехать из Китая. Поспеши, нужно добраться до Северной Кореи любым возможным способом и как можно скорее».

Дедушка передал повеление Бога своей семье. В то время главой семьи был старший брат моей матери, он заботился о бабушке и дедушке. Бабушка собрала всех детей и сказала: «Я не могу заставить вас уехать. Но мы решили ехать. Выбор за вами». Таким образом мои родители, два старших брата моей матери, а также её младшие брат и сестра уехали с бабушкой и дедушкой. В Китае остались только двое родственников — один из старших братьев моей матери и её старшая сестра.

Бог велел деду уехать, и он подчинился. Когда они уехали, в стране вспыхнула Культурная революция, которая безжалостной волной прокатилась по всему Китаю. Она длилась десять

лет, и её результатом стало отстранение всех образованных людей страны от власти. Как известно, Мао Цзэдун, бессменный вождь коммунистической революции в Китае, происходил из крестьянской семьи. Его четвёртая жена, Цзян Цин, актриса, была обеспокоена растущей популярностью Лю Шаоци, официально признанного последователя Мао на посту главы государства, когда «Большой скачок» на самом деле отбросил страну далеко назад. Цзян Цин подталкивала Мао к зависти, твердя, что Лю Шаоци пользуется всё большим авторитетом и уважением среди студентов благодаря своим университетским лекциям.

Поэтому вскоре не только Лю Шаоци был отстранён от власти, но и всякий, кого можно было назвать интеллектуалом, подвергся репрессиям. До Культурной революции мои родители были учителями, а один из дядей — врачом. Всех членов моей семьи можно было отнести к интеллигенции, за исключением двух, которые предпочли остаться в Китае. Поэтому все члены семьи, которые были бы убиты, останься они в стране, избежали этой участи благодаря гласу Божьему, повелевшему деду вместе с семьёй уехать в Северную Корею. Остальные родственники, которым была не страшна Культурная революция, остались на родине. Теперь, зная о десятилетиях жесточайших репрессий, пережитых нами в Северной Корее, я могу только догадываться, как Бог, по Своей мудрости, переселил часть из нас туда, а другую часть сохранил в Китае. Каждый остался там, где, несмотря на тяготы жизни в обеих странах, смог по Его милости выдержать все страдания и сохранить веру, унаследованную от деда.

Во время Культурной революции социализм распространялся с большей скоростью, чем в любой другой период истории Китая, Советского Союза и Северной Кореи, и это обрекло христиан на жесточайшие гонения. Корея была освобождена от японской оккупации 15 августа 1945 года. Северная Корея оказалась в ведении Советов, и начались бурные дискуссии о

том, кого следовало назначить главой молодого государства. Наконец выбор пал на Ким Ир Сена, поскольку он вёл вооружённую борьбу против Японии и был хорошо известен в Северной Корее. Его провозгласили Великим Вождём, что вызвало огромное беспокойство у христиан, чьи опасения и страхи очень скоро подтвердились.

В то время сотрудники Департамента госбезопасности приговаривали верующих к высшей мере наказания — им к шеям привязывали тяжёлые камни и топили в море. Северная Корея боготворила Ким Ир Сена, и по мере утверждения его власти все религии были официально низринуты.

Поскольку я родился в 1958 году, то всё, что я знаю о первых годах гонений на христиан, основывается на рассказах моих бабушки и дедушки. Бабушка поведала мне приглушённым встревоженным голосом о том, как от дома к дому проходили бесконечные обыски, как сжигали обнаруженные Библии, а подозреваемых в связях с христианством арестовывали. Она рассказывала мне, как десятки христиан ставили на краю скалы и задавали им вопрос: «Будете верны товарищу Ким Ир Сenu или будете продолжать верить в Бога?» Тот, кто из страха перед смертью отвечал «Ким Ир Сenu», «спасался», но тех, кто отвечал «Богу», сбрасывали с обрыва в бушующее море. По словам бабушки, это началось в 1960-х годах.

Из того, что я слышал от старших братьев и сестёр по вере, переживших освобождение Кореи от японского гнёта, в то время всякий, кто владел Библией или даже Книгой предсказаний, оказывался в большой беде. Каждую такую книгу изымали и сжигали в гигантских кострах. Ким Ир Сена приводила в ужас мысль о северокорейце, поклоняющемся другому богу, потому что любой бог был угрозой его единоличному притязанию быть богом Северной Кореи.

Мало кто знает, что дед Ким Ир Сена по материнской линии был пастором и все члены его семьи верили в Бога. Его отец,

Ким Хён Джик, учился в христианском колледже в Сунгсил в Пхеньяне. Он знал Бога с юности, как и сам Ким Ир Сен.

Но во всём остальном он был другим. Ким Ир Сен приказал обыскивать каждый квадратный сантиметр северокорейской земли в поисках той самой книги, которую почитали его родители, его дед и вся их семья. Он разослал своих ищущих в каждый дом, чтобы найти и сжечь эту книгу и наказать каждого её владельца. В Северной Корее любую религию стали публично называть «суеверием». Меня не перестаёт удивлять то, как моя семья прошла через все эти испытания, не утратив веры. Хотя этому есть объяснение — тот голос.

После переезда с семьёй в Северную Корею дед прожил шесть лет. Мне было три, когда мы приехали, и одиннадцать, когда его не стало. В те годы я часто виделся с ним. Он выращивал кукурузу, поэтому я особенно любил ходить в гости всякий раз, когда наступало время её созревания. Я также ходил к нему домой по воскресеньям, и он рассказывал мне истории.

В эти последние шесть лет жизни он большую часть времени проводил в посте и молитве. У него было много важных дел, но больше всего его заботило будущее семьи, а именно сохранение порученной ему веры и Благой вести. Бабушка рассказывала, что в последние годы по вечерам он часто слышал голос Бога.

В один из таких вечеров дед спешно прибежал к ней. «Я Его опять слышал! — прошептал он. — У нас почти не осталось времени. Уберите книги! У нас мало времени!»

Наш дом от дома дедушки находился на расстоянии около четырёх километров. Меня послали в сумасшедшей спешке забрать Библию матери. Я вернулся, задыхаясь от быстрого бега, и вручил её бабушке. Она положила её вместе с двумя другими Библиями, которые имелись в нашей семье, — большой старой Библией деда и Библией дяди.

С выражением боли и решимости на лице бабушка вырывала страницы каждой из трёх Библий и сжигала их по одной всю

ночь, пока к утру от них не осталось ничего. Всё это время дед стоял настороже у дверей.

На следующее утро приехал следователь отдела Госбезопасности. По его словам, им поступила информация от одного из наших соседей о том, что в доме спрятано оружие. Интересно, однако, что оружие он искал на наших книжных полках, но ничего не нашёл. Потом он исчез так же стремительно, как и появился.

Я снова и снова просил дедушку рассказать мне эту историю. Моей матери в то время было тридцать один-тридцать два года, а я и вовсе был ребёнком, очарованным этим тихим и скромным человеком, который пользовался таким всеобщим уважением. Больше всего меня восхищали его истории. «Что же произошло той ночью?» — переспрашивал я в сотый раз. И он изображал тот голос.

«Сунг До! Сунг До! *Сунг До!*»

«Да?!» — ответил дедушка. Голос позвал его по имени три раза, и каждый раз он отвечал: «Да?!»

Тогда Бог сказал: «Сейчас не время верить открыто, а время делать это втайне. Библии, которые у вас есть, необходимо сжечь. У тебя очень мало времени. Сделай это быстро!» — прогремел голос.

Шёл 1967 год.

Итак, дед сжёг все Библии, как Бог и повелел ему, таким образом обведя власти Северной Кореи вокруг пальца.

А Евангелие продолжало распространяться.

ГЛАВА 2

СЫН — вор картофеля

Г-н Бэ

Мои самые ранние воспоминания относятся к пяти годам от роду. Я помню, как дед и бабушка молились, закрыв глаза и склонив головы, бормоча что-то себе под нос. Тогда меня это сильно напугало.

Страх на меня навеяла не их молитва, а то, что сказала бабушка, когда открыла глаза и увидела, как я внимательно за ними наблюдаю. Она тихо, но требовательно прошептала: «Никому не рассказывай о том, что ты видел. Об этом нельзя говорить. Если кому-нибудь расскажешь, плохие люди придут и заберут тебя». Конечно же, я ничего никому не сказал. Но с тех пор я был словно на иголках, когда попадал в среду незнакомых мне людей.

Впервые я услышал Десять заповедей из уст своего деда. Он никогда не называл их Десятью заповедями, как и не упоминал, откуда они и кто их автор. Для меня это были просто десять советов, которыми дед снова и снова наставлял моих родителей, дядю и других членов семьи, когда мы собирались вместе в его доме каждое воскресное утро ещё до рассвета. Не кради. Не возжелай. Не лжесвидетельствуй. Почитай мать и отца. Независимо от ситуации, один из этих десяти советов всегда был ответом на ту или иную проблему.

Северокорейцы работают даже по воскресеньям, но каждую неделю в обязательном порядке мы проделывали путь в четыре километра от нашей городской квартиры на втором этаже до

дома бабушки и дедушки на окраине города. Пока бабушка готовила завтрак, дедушка разговаривал со взрослыми. Они обсуждали, что хорошего или плохого в том, как каждый из них поступал на этой неделе, и дедушка советовал, как они должны думать и действовать в течение следующей недели. Не укради. Не возжелай. Не лжесвидетельствуй. Почитай мать и отца.

Потом бабушка приносила еду, и все склоняли головы и закрывали глаза, а дедушка бормотал что-то перед тем, как мы принимались есть. Его слова были едва слышны, произносимы глухим шёпотом. Иногда мы должны были повторять за ним, и я в том числе. Будучи ребёнком, я всегда поднимал голову и открывал глаза. Мне было интересно узнать: о чём же бормотали присутствующие?! Тогда я чувствовал, как рука матери откуда-то сзади легонько наклоняла мою голову вниз.

При таких обстоятельствах дети редко задают вопросы, особенно если чувствуют, как взрослые боятся, что кто-то может их услышать. В такие моменты они вспоминают о плохих людях, которые забирают слишком много знающих детей. Но когда мне было лет девять-десять, моё любопытство на мгновение пересилило страх, и я спросил маму, зачем нужно бормотать эти слова. «Небеса всегда наблюдают за нами, — ответила она, — даже если ты украдёшь карандаш. Поэтому, когда ты совершил проступок, необходимо исповедаться в этом перед небом. Если этого не сделать, тебя ожидает наказание. А когда у нас есть пропитание, то мы благодарим».

Так я научился молиться. На самом деле я очень плохо понимал, что всё это значило, ведь был совсем ребёнком. Однако я отлично знал, что это важно. Я осознавал, что это опасно. И ощущал, что это каким-то образом связывает нас с небом.

Дом бабушки и дедушки был не единственным местом, где семья собиралась на молитву. Недалеко от нашего дома был красивый залив с песчаным пляжем и соснами. Дедушка ходил туда рыбачить, а отец, мать и другие члены семьи

собирались вокруг него, чтобы провести особое время, которое мы называли «временем вопросов и ответов». Тогда я впервые услышал произнесённое вслух имя Бога — «Хананим», что с корейского языка означает «Единый Бог». Это слово южнокорейские христиане используют для обозначения Бога, но в Северной Корее его почти никто не знает. Когда северокорейцы говорят о природе и божественных силах, они называют Бога «Ханьльним», что означает «Господь небес», более общий термин для обозначения божества. Даже когда наша семья каждую неделю собиралась в дедушкином доме, мы использовали слово Ханьльним. Но однажды на пляже, словно стрела, прорезавшая воздух, с губ моего деда слетело: «Хананим!» Сначала я даже подумал, что ослышался.

Каждый раз, когда дедушка болел, бабушка проводила еженедельное воскресное собрание вместо него. Он умер на полгода раньше неё; их удивительные жизни закончились очень тихо в то время, как мы тайно исповедовали нашу веру. Ни один из них не умер от болезни и не страдал старческим слабоумием. Оба умерли во сне.

«Их жизнь была загадочнее жизни призраков», — говорили о бабушке с дедушкой мои родители. И это было вполне понятно, ведь мы знали столько мистических историй из их прошлого! К тому же дед регулярно общался с Богом даже в последние дни своей жизни.

Однако для меня бабушка и дед были больше чем просто загадочными личностями. Я всегда буду помнить их как добрых, учтивых и всеми уважаемых людей. Даже будучи ребёнком, я восхищался их характерами.

Мне было одиннадцать лет, когда они умерли. Вскоре после этого пришли плохие люди, и мы сами стали жить как призраки.

Северная Корея всегда гордилась своей этнической и расовой чистотой. В результате даже корейские иммигранты из таких стран, как Китай (вроде моей семьи), которые покинули

Корею из-за японской оккупации, не могли претендовать на хорошую жизнь на своей этнической родине. Ещё до массового голода иммигрантов публично называли «дурными людьми», и, находясь на положении изгоев, мы практически не могли пользоваться никакими благами, предоставляемыми государством. Правительство Северной Кореи не давало нам ни достаточного количества работы, ни земли и пристально следило за нашими передвижениями. В школе меня всегда называли «оборванцем». С нами обращались гораздо хуже, чем с теми, кто всю жизнь прожил в Северной Корее. Мы жили в постоянном страхе за свои жизни, и именно такая ситуация была угодна правительству страны.

Впервые я испытал леденящий ужас, когда учился в четвёртом классе начальной школы, вскоре после того, как дедушки и бабушки не стало. Однажды около первого-второго часа ночи в дверь нашей квартиры неожиданно постучала женщина, которая училась в одном классе с моей матерью в Китае. Ещё более странным казалось то, что она была в одном нижнем белье. Она сказала, что её ограбили и забрали всё, включая одежду и деньги. Мать сжалась над ней, приняла, накормила и позволила переночевать в нашем доме.

Однако в Северной Корее даже простое гостеприимство чревато крайне серьёзными последствиями, если вы окажете его человеку, который в глазах государства является неблагонадёжной персоной.

Ранним утром следующего дня, около пятого-шестого часа, нас разбудил лай собак. «Как странно, — подумал я, всё ещё находясь в полусонном состоянии, — мы ведь живём в городе. Здесь нет так много собак!» Окончательно ото сна нас пробудили удары и затем грохот падающей выбитой двери. В квартиру ворвались сотрудники Департамента государственной безопасности. Лай собак, топот тяжёлых сапог, а также оружие, приведённое в полную боевую готовность, навсегда лишили меня

даже той мизерной иллюзии безопасности, которую я по своей наивности и глупости тогда питал. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом.

Мать и отец вскочили с постели в зале нашей двухкомнатной квартиры, в то время как в спальне проснулись дети. Таинственная женщина, которая провела ночь в нашем доме, спряталась в подпол у внутренней стены спальни, куда мы складывали одеяла.

Для группы агентов госбезопасности не потребовалось много времени, чтобы перевернуть нашу квартирку вверх дном. В считанные минуты они обнаружили и задержали нашу гостью. Нам не задали ни единого вопроса, только приказали отцу явиться в отделение полиции. И, громко стуча тяжёлыми сапогами и грохоча взведённым оружием, они вышли из дома, уводя за собой задержанную женщину и лающих собак.

Когда вскоре после этого отец прибыл в отделение полиции, его выругали, напомнив, что долг каждого гражданина — регистрировать гостей в органах власти, прежде чем пускать к себе в дом. На карту была поставлена безопасность города и всего народа! От отца потребовали, чтобы он объяснил, почему он прятал женщину в своём доме. Он, конечно, ответил, что никого не прятал, а только позволил жене оказать помощь ограбленной страннице. Его спросили, подарила ли женщина нашей семье часы.

В те времена часы ценились на вес золота. «Сколько часов она вам подарила? — давили на отца сотрудники полиции. — А сколько опиума?» Они даже не дали ему времени, чтобы ответить на вопросы. Да и что он мог сказать?! Он ничего не знал об этой женщине, кроме того, что когда-то она была одноклассницей матери и что женщины узнали друг друга, случайно столкнувшись на рынке месяца три тому назад. Они обменялись новостями, и на случай, если одноклассница захочет навестить её, мать объяснила ей, где она живёт. И вот

теперь посреди ночи эта женщина неожиданно появилась на пороге нашего дома в нижнем белье, будучи не в состоянии даже связно рассказать, что произошло, не говоря уже о том, чтобы предложить нам часы или опиум.

«Где документ о её регистрации по месту проживания?» — кричали они. В Северной Корее, чтобы принять у себя жителя другого города или деревни, каждая сторона должна подать заявку на посещение. Если надлежащие документы не будут заполнены и поданы в соответствующие органы заблаговременно, обе стороны накажут за нарушение закона.

Из-за той таинственной гостьи в нижнем белье каждый день в течение следующих пяти дней родителям приходилось являться в Департамент государственной безопасности на очередной допрос, во время которого им вновь и вновь задавали одни и те же вопросы. Сотрудники департамента утверждали, что родители лгут. Со временем мы поняли, что эта женщина занималась торговлей наркотиками и незаконной продажей часов; любой из этих видов деятельности являлся в нашей стране серьёзным преступлением, а вместе они представляли полнейшую катастрофу и для неё, и для нас. Вот почему к нам в дом пришли сотрудники Департамента государственной безопасности: женщина бежала из тюрьмы и выбросила тюремную робу в попытке оторваться от преследователей, которые шли по её следам. Так она привела их прямо к двери дома моих родителей. Я подозреваю, что даже если бы родители не впустили её, с нами всё равно неизбежно приключились бы неприятности. Ведь мы были иммигрантами, «дурными людьми», которым не полагалось никаких поблажек. И вот десять дней спустя сотрудники Департамента госбезопасности снова появились в нашем доме, оглушающе застучали ногами в дверь и приказали нам немедленно погрузить вещи в грузовик и навсегда покинуть дом.

Так нас выслали в отдалённую деревню, добраться до которой можно было, лишь проехав два часа вверх по грунтовой

дороге, ведущей в горы. К сожалению, ранее никто из нас не занимался возделыванием земли ни на равнинной, ни тем более в горной местности, ведь в Китае мы всегда жили в городе. Нам было всё равно, даже если бы эта деревня находилась на самой вершине скалы. И опытные агрономы вряд ли смогли бы возделывать столь бесплодную каменистую почву.

Там были и другие изгнанные семьи, которые составляли около 5 процентов населения, проживающего в данном районе. Эти семьи жили далеко друг от друга, и, кроме того, их количество было настолько мало, что изоляция и дискриминация, которым мы подвергались ранее, только усилились. Во главе поселения стояли председатель, бригадир и завхоз. Они обращались с моими родителями хуже некуда: мы были не просто преступниками, а преступниками-иммигрантами — самым низким социальным классом. За каждым полем закрепили около пятидесяти человек из пяти семей. Это был самый тяжёлый труд, который только можно вообразить.

Именно там, удручённый недостатком пищи, я впервые стал свидетелем ссоры родителей. Можете себе представить разговор. Отец в сердцах сетовал: «Зачем нужно было помогать женщине, о которой ты так мало знала? Разве ты ничего не заподозрила, когда она появилась ночью в нижнем белье?» На что мать решительно отвечала: «Бедняжка нуждалась в помощи. Как можно отвернуться от нуждающейся?! *„Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня“*». Вера в эти слова стояла моей матери и каждому члену нашей семьи всего. Голод и боль терзали нас с момента нашего приезда, усугубляя и без того сложное положение и отрицательно сказываясь на взаимоотношениях в семье, где участились вспышки гнева и ропота.

Ох уж эта боль! С первого дня, когда нас высадили из грузовика на заброшенной заставе, меня заставили работать на

благо деревни. Потребность в рабочей силе была вопиющей — даже в руках истощённого и не привыкшего к сельскому труду мальчика. От меня требовали, чтобы я трудился в поле, помогал по дому, в деревне и выполнял любую работу, с которой, по мнению руководителей поселения, должен быть в состоянии справиться ребёнок моего возраста. Я изо всех сил старался вести себя хорошо и тихо, всегда помня, что плохие люди могут забрать меня, если я расскажу хоть что-нибудь о нашей необычной семье.

Однако меня никто ни о чём не спрашивал, меня просто грубо принуждали переходить с одного вида изнуряющих работ на другой, и так длилось долгими часами, перераставшими в мучительные дни. Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что я абсолютно не приспособлен к тяжёлому физическому труду. А мне — чтобы сообразить, почему все, включая самых маленьких детей, бродили по деревне сутулые и с хмурыми лицами: через несколько дней я ходил точно так же, как и они. Двадцать четыре часа в сутки мою спину пронизывала острая боль, которая разливалась по всему телу до окровавленных пальцев рук и ног, покрытых мозолями. Несмотря на все мои старания, окружающие всегда отмечали, что от моей работы мало толку.

Мне исполнилось двенадцать. В свой день рождения я рубил дрова и носил их в деревню по узкому выступу скалы, опасно возвышающемуся над каменной твердью. Именно потому, что тропа была очень узкой, руководство деревни решило, что эта работа подходит для 12-летнего мальчика, не приспособленного к труду. Я даже слышал, что не так давно мужчина, оступившись с этого выступа, упал и разбился насмерть. Теперь передо мной ежедневно стояла задача преодолеть его, да ещё и с вязанкой дров на спине. Таким образом, каждый день я подвергался смертельной опасности разбиться, сорвавшись с коварной скалы.

Я очень быстро повзрослел и однажды спросил родителей: «Почему нам приходится страдать и жить как рабы?» Мама ответила: «Мы сумеем пройти всё это и остаться людьми. Это тяжёлые испытания для нас, но мы всё равно должны жить с верой, и Бог облегчит наши страдания». Её слова коснулись самой глубины моего юного сердца. Как нам было знать, что Бог милостиво готовил нас к тому, с чем каждый из нас столкнётся много лет спустя за гораздо более серьёзное преступление, в котором повинны все, кто носит Его имя?

Мать никогда не прекращала наставлять нас, даже в то тяжёлое для всех время. Именно там, в этой ветреной, холодной, суровой горной деревне, я узнал, что десять советов деда на самом деле были Десятью заповедями, данными Хананимом, единым Богом. Она будила нас по ночам, чтобы изучать с нами эти заповеди и молиться вместе с ней.

Однако мы были весьма ограничены в том, чтобы исповедовать свою веру. Конечно, теперь мы не могли молиться перед едой. Когда я спросил с наивностью, присущей двенадцатилетнему ребёнку, почему, она шёпотом объяснила, что наша верность Богу должна выражаться тайно, не как это было раньше, из-за более жёсткого контроля властей, под которым мы теперь находимся.

В конце лета нас выслали в горы. Когда мы приехали, местные власти выделили нам скудное количество риса, которого должно было хватить до следующего урожая. Их формулой всегда было подсчитать, сколько, по их мнению, нужно семье, чтобы выжить, и затем дать только половину этого количества. Тем самым они дисциплинировали и наказывали нас, напоминая, что недостойные жить должны выживать.

Во время сбора урожая семьям приходилось отдавать государству всё, что они собрали. Затем правительство подсчитывало, сколько дней проработала та или иная семья, и соответственно этому выдавало причитающуюся ей долю. Наша семья

пробыла там четыре месяца, и выданное нам количество еды практически свидетельствовало, что нам не удастся пережить зиму. Несмотря на чрезвычайную бережливость матери, наши запасы быстро истощились. По мере приближения голодной смерти у нас не осталось другого выбора, кроме как ходить от двери к двери, умоляя о помощи наших соседей, которых правительство не считало преступниками. Однако всё, что мы получали от них, было нескрываемое отвращение. Никто не оказывал нам ни малейшей помощи, поскольку нас считали преступниками-иммигрантами.

Однажды ночью я проснулся от того, что мама гладила меня по спине. Она, со слезами на глазах, попросила меня пойти украсть немного картошки. Я был ошеломлён. «Мама, — возразил я, — ты же учила нас не воровать, а теперь просишь меня нарушить заповедь! Почему?» Она задумчиво посмотрела на меня и прошептала: «Потому что самоубийство — это ещё больший грех».

Не спешите осуждать меня, когда я скажу, что в течение многих дней после этого я ходил на картофельное поле в пред-рассветное время, когда ветер дул сильнее всего и на поле не было ни души. До 1990-х годов большинство северокорейцев не страдали от голода. А наша семья чуть не умерла от нехватки еды ещё в 1970 году.

Я научился рубить и таскать дрова практически на пустой желудок, в котором не было ничего, кроме нескольких кусочков украденного картофеля. Но Бог укреплял мою силу воли и твёрдость духа.

Мы, несомненно, умерли бы, если бы Бог не наделил отца острым умом. Как и дед, он владел китайским, японским и корейским языками. Обладая силой воли и твёрдостью духа, он решил вывести нас из ситуации, в которой мы оказались. Так или иначе, в перерывах между выполнением бесконечных ежедневных сельскохозяйственных обязанностей мой отец за-

нялся самообразованием. Он брал в библиотеке книги о том, как действуют электрические трансформаторы, как работают двигатели и водяные насосы.

Наша ферма располагалась в деревне, а ближайший к нам уездный город находился в двенадцати километрах от нас. Каждый раз, когда дата заканчивалась на единицу, нам давали выходной, который мы могли использовать, чтобы поехать на рынок в уездный город, единственное место, где ещё были доступны продукты питания. У нас не было ни денег, ни транспорта, чтобы добраться до рынка и закупать продукты, поэтому каждое первое, одиннадцатое и двадцать первое число месяца служили нам очередным напоминанием о безнадёжности нашего положения. В один из рыночных дней, после того как отец прочитал все книги, доступные в местной библиотеке, он отправился в путь длиной в двенадцать километров. Он знал, что это наш единственный шанс, и продумал всё до мелочей.

В городе он представился механиком из управления фермерским хозяйством и сказал, что знает, как чинить электродвигатели и водяные насосы, которые всегда были большой головной болью. В те дни механики считались огромной редкостью, и поскольку они почти никогда не забредали в такие отдалённые места, их очень ценили и относились к ним с уважением, когда они там всё же появлялись.

Из-за отсутствия механиков предприятие находилось в отчаянном положении и было готово пойти на риск, поэтому руководство попросило отца починить сломанный двигатель. И, по милости Божьей, у него получилось это сделать. Всем было трудно поверить, что в деревне есть человек, обладающий такими навыками. Он просто обязан жить здесь! Так мы переехали в город примерно в то время, когда я пошёл в среднюю школу. Это было чудом, поскольку, чтобы сменить место жительства в Северной Корее, необходимо получить разрешение на всех

уровнях власти, а это практически невозможно для иммигрантов, да ещё и с записями о правонарушениях в их деле.

Районное управление курировало все работы, связанные с сельскохозяйственной техникой, поэтому отца на самом деле взяли туда на работу. Как вы можете себе представить, поначалу он сильно переживал, поскольку был всего лишь самоучкой. Однако после устранения нескольких серьёзных проблем он стал главным механиком в округе. Как я уже отмечал, мой отец был очень умным.

Когда наши возможности начали расти, а кладовая стала медленно наполняться, он занялся делом ещё более удивительным, чем починка двигателей. Вы можете подумать, что человек, недавно вышедший из долины смертной тени, захочет как можно быстрее избавиться от исповедования запретной веры внутри семьи, не говоря уже о том, чтобы рассказывать о ней другим. Тем не менее, когда его друзья приходили к нам домой на праздники, отец рассказывал им о Боге.

Что касается властей (которым, конечно же, ничего не было известно о благовестнической деятельности отца), они полагали, что ссылка изменила и перевоспитала его, несмотря на непростительные ошибки прошлого. Когда я повзрослел, то стал осознавать, как трудно ему было работать на такой низкой должности. В Китае отец был заместителем декана университета! Почему он никак не получал повышения? Было очевидно, что он в сотни раз умнее и образованнее своих начальников, а механики в то время считались самым низким классом среди тех, за кем не числилось никаких правонарушений.

Когда мне исполнилось лет пятнадцать-шестнадцать, я спросил отца, почему он не работает учителем или где-нибудь в администрации. Он ответил: «Потому что я не могу стать коммунистом. Как бы хорошо ты ни работал, если ты не являешься членом коммунистической партии, то считаешься потерянным для общества. Мы — иммигранты, а для тех, кто приехал из

Японии или Китая, практически невозможно вступить в партию. Даже тот, кто, живя в другой стране, возглавлял там университет, по приезду в Северную Корею в лучшем случае может рассчитывать на работу фермера и механика. Особенно это касается тех, у кого в Китае остались родственники, — их всегда подозревают в шпионаже». И, как бы ободряя меня, отец выразил надежду, что, возможно, у моего поколения будет больше шансов выбиться в начальники.

Однако для каждого северокорейца путь вверх по карьерной лестнице — на самом деле путь куда бы то ни было, кроме тюрьмы и могилы — проходит через Корейскую народную армию. Когда нам исполнялось семнадцать-восемнадцать лет, у большинства из нас не было выбора, кроме как поступить на службу в КНА после получения обязательного образования. И лишь потом, после увольнения, мы возвращались домой и получали аттестат об окончании учёбы. Большинство мужчин проходят десятигодичную службу в армии. Я прослужил десять лет и пять месяцев из-за очень необычных обстоятельств, благодаря которым я всё же стал коммунистом.

Никто не получает жалование за службу в армии. Но после десяти лет исполнения долга перед родиной у человека появляется небольшой шанс при достаточном усердии и наличии связей получить рекомендацию на вступление в коммунистическую партию. В то время, когда я проходил армейскую службу, с солдатами обращались неплохо. Я служил с середины 1970-х до середины 1980-х годов. Учитывая трудности, которые я испытал ранее в жизни, время, проведённое в армии, было сравнительно приятным. Даже после того, как отец забрал семью с фермы, ему приходилось трудиться в поте лица, чтобы прокормить шестерых детей. И хотя я был вторым ребёнком в семье, со мной обращались как со старшим, потому что мой старший брат не имел семи пядей во лбу. Ему тоже пришлось пойти в армию. Но все надежды семья возлагала именно на меня.

Оказавшись в армии, я искал любую возможность преуспеть, сделать больше, чем другие, отличиться и привлечь к себе внимание командования. Другие солдаты в те немногочисленные моменты свободного времени, которые нам давали, занимались спортом, а я, следуя примеру отца, использовал каждую свободную секунду для самообразования, надеясь получить продвижение по службе.

Несмотря на то, что по росту я всегда был одним из невысоких детей в школе, я выделялся своими способностями к спорту. Поэтому, став солдатом, поздними вечерами я начал заниматься волейболом. Зная, что, добившись успеха в волейболе, я смогу продвинуться из взвода в роту, из роты в батальон и из батальона в полк — как это сделал мой отец от фермера на должность главного механика. Подражая его целеустремлённости, я выиграл несколько серебряных и золотых медалей на спортивных соревнованиях. Помимо волейбола, я занимался спринтом на 100 метров и борьбой в весовой категории 68 килограммов. Я даже был чемпионом по прыжкам в высоту.

Когда мне исполнилось девятнадцать, на втором году службы в армии я увидел объявление о наборе желающих обучиться игре на аккордеоне. В объявлении говорилось, что обучение будет проходить на инструментах, предоставленных великим вождём Ким Ир Сенем. Я думал, что поразил всех своим интеллектом и желанием учиться, однако во время прослушивания это хорошее впечатление мгновенно испарилось, когда я взял аккордеон вверх ногами и попытался сыграть на нём. Через три месяца меня признали самым быстро прогрессирующим среди пятидесяти учащихся и назначили учителем игры на аккордеоне. К тому времени, когда я закончил военную службу, я обучил около трёхсот человек.

В те времена особенно ценились солдаты, умеющие играть на музыкальных инструментах, и те, кто участвовал в соревнованиях по лёгкой атлетике. Поскольку я занимался и тем, и

другим, это открывало двери для дополнительных возможностей — например, во время спортивных соревнований и музыкальных конкурсов. Политрук, стоявший надо мной, состоял в коммунистической партии, а командир полка относился к административному органу. Одному нравились мои спортивные способности, а другому — моя музыка. Каждый год в день рождения Ким Ир Сена проводился конкурс исполнения песен приверженности вождю. Песни, которые мы пели, были примерно такие:

Когда уходишь в армию, у тебя нет наград.

Но когда ты возвращаешься, ты становишься героем и оказываешься в чьих-то объятиях!

Мама отвела меня на военную базу из города, где я родился, вырос и у меня были друзья.

*Я отдал своё тело Великому вождю и ЦК
Компартии!*

Выиграй песенный конкурс — и тебя обязательно заметят. А что если выиграть и конкурс, и к тому же ещё получить медаль за спортивные достижения? Тогда ты станешь просто легендой!

Однако, учитывая прошлое моей семьи, чтобы вступить в члены партии, мне нужно было стать больше, чем легендой. Так что я не только преуспел в песенных конкурсах и в спортивных соревнованиях, но также организовал группу здорового образа жизни, пропагандирующую отказ от курения и употребления алкоголя. Получается, я вёл ещё и общественную деятельность.

Мной восхищались и командир полка, и политрук. Однако вопрос состоял в следующем: тех, кто служил в армии, чьи родители были коммунистами, тоже принимали в партию, а для детей из семей беспартийных депортированных иммигрантов

было бы легче достать билет на Луну, чем членский билет компартии. Мне приходилось довольствоваться тем, что если через десять лет обязательной службы не смогу вступить в партию, то по крайней мере смогу вести достойную жизнь, как мой отец. Это всё равно было лучше, чем воровать картошку.

Однажды я набрался смелости завести разговор с комиссаром, которому нравилась моя игра на аккордеоне. Обычному рядовому было невозможно просто так зайти к начальнику и поговорить о личной жизни. Встретиться с человеком такого уровня, какова бы на то ни была причина, крайне сложно, потому что между нами была целая пропасть. Однако комиссар знал меня благодаря некоторым поручениям, которые я выполнял для него. Поэтому однажды чудесным образом я оказался в его присутствии. «Всё ли я делаю правильно?» — едва скрывая волнение поинтересовался я.

Комиссар фыркнул: «Откуда мне знать?! Нужно проверить, насколько хорошо ты выполнял порученные тебе задания». Для него достаточно было отмахнуться от меня, но он оказался очень любезен и всё же заглянул в моё дело. Пролистав его, он отметил, что никто не справляется с поставленными задачами лучше меня. Так что я воспользовался моментом и решил попытать счастье, выйдя за рамки своего воинского статуса рядового и запятнанного прошлого моей семьи. «Тех, кто отслужил срок, как я, увольняют, — начал я, стараясь выглядеть как можно более наивным. — Мне двадцать восемь лет, и скоро меня отправят домой. Когда я демобилизуюсь, некому будет играть на аккордеоне. Может, мне следует обучить кого-нибудь на замену?»

Мои слова обеспокоили комиссара, и он попросил: «Выбери кого-нибудь!»

«Хм... — задумчиво произнёс я. — Обучение займёт от шести до двенадцати месяцев. Но я не имею права остаться, потому что я не коммунист». Это был намёк на услугу за

услугу, насколько его возможно было сделать, не загремев под военный трибунал.

Он искренно удивился: «Я думал, ты — коммунист! А оказывается, ещё нет, так давай найдём способ принять тебя в партию».

С тех пор каждый день, заканчивая работу около десяти часов вечера, я обессиленный падал на кровать. Но через пятнадцать минут вскакивал и шёл «добровольно» отрабатывать внеурочное время, чтобы доказать свою преданность правительству. Каждый вечер в течение часа я помогал на стройке жилья. Там было много начальства, которое наблюдало за мной и за другими военнослужащими, конкурирующими за их внимание. Все эти люди тоже посвящали время, предназначенное для сна, добровольному труду на благо страны, и у каждого из нас на это были свои причины. Добровольной деятельностью занимались поздно вечером, после выполнения всех ежедневных обязанностей. Целые взводы и батальоны трудились с бешеным рвением. Я решил быть самым активным и преданным добровольцем из всех.

Что касается моих дневных обязанностей, то меня направили в самое слабое подразделение, а это означало, что у меня была возможность завоевать известность, превратив его из отстающего в передовое. Поэтому я тренировал солдат, привязывая к их ногам мешки с песком. После шести месяцев усиленных тренировок вся часть прошла очередную аттестацию. Результаты моего подразделения по всем дисциплинам были потрясающими, включая бег и подтягивания. Моментально слухи об этом разошлись по части, и подразделению было присвоено звание показательного, что означало, что теперь к достижению наших показателей должна была стремиться вся часть.

Однажды я увидел разбитую цветочную клумбу и попросил преподавателей трудового воспитания починить её — залить цементом и облагородить внешний вид. Когда комиссар части

приехал с инспекцией, он был очень удивлён чистотой и опрятностью помещений и прилегающей территории. Даже клумбы выглядели безупречно! Начальству было интересно, кто же ответственен за проведение всей этой работы по облагораживанию территории, но я приказал всем молчать, чтобы создать интригу. Затем, полгода спустя, специально посланный мной информатор сообщил о том, кто был инициатором этих работ. Беспартийные дети иммигрантских, а к тому же ещё сосланных семей, нуждались в стольких похвалах и внимании, сколько они только могли заслужить, чтобы получить хоть какой-то шанс вступить в коммунистическую партию.

Несколько месяцев спустя комиссар сказал мне, что хочет встретиться с моим отцом. Я связался с ним и пригласил его на встречу. Отец отнёсся к приглашению с огромным удивлением и весьма настороженно, но я попросил его не волноваться. С собой он привёз алкоголь домашнего приготовления, который в те дни служил главным подарком при подобных посещениях. Когда отец входил в кабинет комиссара, его лицо было белым, как у привидения. А когда через некоторое время дверь открылась, он вышел, широко улыбаясь. «Я слышу, что у тебя отлично идут дела!» — воскликнул он с нескрываемой гордостью и чувством глубокого облегчения.

Отец знал, что именно он был причиной, по которой я не мог вступить в коммунистическую партию. В глазах правительства он был сосланным иммигрантом, приехавшим в Северную Корею из Китая, другими словами, человеком сомнительной преданности. А что ещё хуже, во время проверки биографических данных, когда рассматривался вопрос моего членства в партии, Департамент государственной безопасности обнаружил, что отец снова ездил в Китай. Также всплыла история о запрещённых радиопередачах: рядом с ремонтной мастерской, куда в то время был назначен отец, работал человек, который ремонтировал радиоприёмники. Однажды он по ошибке настро-

ился не на ту частоту и услышал радиопередачу из Южной Кореи. В тот момент отец случайно оказался поблизости. В Северной Корее даже самые незначительные происшествия никогда не остаются незамеченными и всегда всплывают, когда это меньше всего нужно.

Комиссар счёл необходимым довести обнаруженные факты до сведения моего отца — любезный шаг, который давал ему возможность объясниться, чтобы расчистить дорогу своему сыну для грядущих великих свершений. Отец объяснил, что, поскольку его родственники живут в Китае, он, конечно же, посетил их, чтобы узнать, сможет ли привезти их в нашу страну, которая является раем для трудящихся. А что касается радио, то южнокорейскую передачу ему довелось услышать только из-за ошибки радиомеханика. Но он всё равно ничего не понял, поспешно добавил он, и в любом случае его это не интересовало.

Взмахнув в воздухе стопкой бумаг, комиссар как бы отмахнулся от слов отца. «Как только я приму решение, я сообщу вам, — заверил он моего родителя. — Я могу позволить вашему сыну вступить в коммунистическую партию в любое время, когда захочу». Мой отец, несомненно, был рад, что мне не придётся пережить все трудности, через которые довелось пройти ему самому.

Вскоре после этой беседы мне позвонил командир роты и сказал: «Поздравляю. Тебя повышают в звании. Ты будешь старшим сержантом». Когда у солдата нет нашивок на плечах, значит он рядовой. Ефрейтор получает одну полосу, младший сержант — две, сержант — три, старший сержант — толстую полосу, а старшина — толстую и тонкую полосы. Прапорщик — это наивысшее воинское звание, которое можно получить, прежде чем стать офицером.

Я отмахнулся от поздравлений. «Мне не разрешается вступать в коммунистическую партию», — сказал я как будто безразлично.

«Думаю, с этим не будет проблем», — возразил он.

Не будет проблем?! Так меня повысили до звания старшего сержанта. Я был чрезвычайно счастлив, что наконец-то свершилось невозможное, и даже всплакнул.

Мне сказали, что руководство дало согласие на моё вступление в партию. Но для этого необходимы поручители. Если комиссар полка и офицеры роты желают выступить в качестве поручителей, это наивысшая честь. Мою кандидатуру поддержал сам комиссар. Когда в партию вступали другие, всегда были те, кто выступал против этого. В моём же случае ни один человек не выступил против моего вступления в компартию.

Я служил в звании старшего сержанта, и у меня в подчинении состояло 120 солдат. Я провёл ещё дополнительно полгода в армии, обучил аккордеониста себе на замену, а затем получил официальное военное направление на зачисление в университет.

Ну, почти. Вонсанский университет экономики был лучшим учебным заведением, где проходила обучение элита, и командование собиралось отправить меня туда. Но потом опять всплыло прошлое моей семьи, и вместо этого меня отправили в инженерный институт. В Северной Корее у человека всегда найдётся что-то, что будет преследовать его вечно.

Тем не менее что может быть лучше, чем иметь возможность с честью выполнить свой армейский долг, вступить в коммунистическую партию, жить дома с любящими родителями и учиться в институте? Но впереди меня ожидала ещё одна весьма приятная неожиданность.

Когда я поступил в институт, мне было уже тридцать, и я учился с очень юными девушками. В большинстве им было по восемнадцать-девятнадцать лет, потому что очень мало девушек изъявляли желание служить в армии. Поэтому мои однокурсницы меня не интересовали. Но большинство преподавателей были женщины лет двадцати пяти или около того, а их очень

интересовали мужчины, отслужившие в армии. Институт также использовался как место подготовки учителей. Так я познакомился со своей будущей супругой, г-жой Бэ.

Она приезжала в институт для участия в мероприятиях по подготовке учителей. Разумеется, женщина никогда не станет первой заговаривать с мужчиной. И так, первые три раза, когда мы виделись в холле, мы просто смотрели друг на друга. В институте у неё были свои дела, а у меня — занятия.

Но в дальнейшем, когда мы вновь случайно сталкивались где-нибудь в коридоре, я стал задавать ей вопросы: где вы живёте? сколько вам лет? Я хотел познакомиться с ней поближе, поэтому мне нужен был предлог, чтобы начать строить с ней отношения. К счастью, требования, предъявляемые к выпускникам, предоставили мне такую возможность. Чтобы защитить диплом в вузе, необходимо было вести активную исследовательскую деятельность. Ещё нужно было написать статью о военной стратегии Ким Ир Сена и другие объёмные статьи по каждой из его восьмидесяти цитат: нужно было описать, что они значат лично для вас и как всю жизнь вы будете стремиться к тому, чтобы следовать им. При этом вы должны обладать красивым почерком и делать правильные умозаключения. Затем нужно написать статьи о сотне цитат Ким Чен Ира. И, вдобавок ко всему, сдать комплексный экзамен по истории семьи Ким. Только после этого можно приступить к защите дипломной работы.

Так что у меня был повод для более близкого знакомства с так заинтересовавшей меня женщиной. Я не знал, хорошо ли она умеет писать, но был уверен, что мне в любом случае понадобится помощь. Я изложил ей свою просьбу, и она согласилась. Когда незамужняя северокорейка встречает неженатого северокорейца, в первую очередь её интересуют два вопроса, является ли он членом партии и отслужил ли в армии. У того, кто не прошёл армейскую службу, скорее всего имеются проблемы со здоровьем. А тот, кто отслужил и состоит в комму-

нистической партии, — это мужчина, имеющий незапятнанное семейное прошлое. Это также свидетельствует о том, что у него нет проблем с законом и с женщинами. А что можно сказать о мужчине, отслужившем военную службу, вступившем в партию, да ещё и поступившем в институт? Только в редких случаях демобилизованного направляли получать высшее образование, большинство же отправляли на работу в шахты или на фабрики, даже если они были членами компартии. Поэтому такой студент института, пользующийся популярностью, — именно тот, которому нужно ответить «да», даже если он попросит всего лишь о помощи с написанием дипломной работы.

Эта женщина была не первой, с кем я познакомился. До этого времени я уже отказал пятидесяти семи потенциальным супругам, которых мне рекомендовали на протяжении трёх лет. Большинство мужчин, закончивших армейскую службу, женятся в течение года, но только не я! Сделав так много для того, чтобы изменить дальнейшую судьбу нашей семьи, я не собирался рисковать в выборе спутницы жизни. Кроме того, эта женщина была особенной.

Она согласилась помочь мне со статьями для выпускной работы, и я дал ей месяц на выполнение этих заданий. Но через две недели она прислала мне письмо, в котором сообщала, что все задания готовы. Мы договорились, что я заеду к ней домой, чтобы забрать их. Мы пообедали вместе с её родителями, а потом я бегло просмотрел работы и был потрясён. Она прекрасно писала, и всё выглядело безупречно.

Моя специальность была инженерное дело. Чтобы получить высшее образование, мне нужно было выполнить ещё и техническое задание. Я мог делать расчёты, составлять планы и чертежи, но писать было мне не по силам. К тому же я очень хотел сблизиться с этой женщиной и построить отношения. Я попросил её помочь с этим дополнительным заданием, и она с готовностью согласилась. К тому же я понравился её роди-

телям. Она сказала, что её знакомили со многими молодыми людьми, но ни один не был так хорош, как я.

Чтобы выполнить это последнее задание, я вновь посетил двухкомнатную квартиру родителей этой женщины. Они сидели в одной комнате, а мы работали над заданием в другой. Время для этого у нас выдавалось только по вечерам, после работы и учёбы. Мы трудились вместе три дня, до часу-двух ночи. Это также дало нам возможность лучше узнать друг друга. Она рассказала мне, как много парней, которые интересовались ею, пытались взять её за руку, но она заметила, что я этого не делал. Я же был сосредоточен только на дипломной работе. Она сказала, что это убедило её в том, что у меня хорошее воспитание и добрый нрав.

На третий день, когда работа подошла к концу и уже не оставалось повода для встреч, я спросил, есть ли претенденты на её руку. Я впервые открыто поднял эту тему, и она ответила отрицательно. Тогда я спросил её, знакомился ли кто-нибудь из потенциальных женихов с её родителями, и она ответила, что ей не понравился ни один из них. Затем она задала мне те же вопросы. И я тоже ответил отрицательно.

А потом я сходу сделал ей предложение:

— Я очень хочу жениться на тебе.

— Я не против, — ответила она.

Каждый из нас поговорил со своими родителями, и дело было решено. Я познакомился с ней в феврале — в месяц окончания учебного года, а поженились мы в мае, три месяца спустя.

В то время всех студентов, окончивших вуз, сразу же направляли на самые важные объекты страны — атомные электростанции, заводы по производству удобрений или различные фабрики. Газеты и телевидение трубили об успехах каждого проекта, но тем, кто там работал, была известна горькая правда об истинном положении вещей. Меня назначили на заводской проект, который длился восемь лет. Трудности,

с которыми я там столкнулся, отражали проблемы в целом по стране. Великий Вождь умер. Советский Союз распался. Казалось, что воля страны, не говоря уже об электричестве, запасах и последних остатках сострадания, полностью утекла за её пределы.

Когда в середине 1990-х годов проект был завершён, я шёл работу в своём родном городе. В то время правительство перестало выдавать пайки. Это означало, что даже те, кто работал, не получал плату за свой труд. Мрачная тень голода окутывала города, деревни и сёла. Я много раз проходил мимо квартиры, где мы жили, пока нас не сослали в деревню. Теперь голод вернул нас сюда. Я помню, как умер ребёнок соседки. На следующий вечер пожилая женщина, чей дом располагался позади нашего, упала от бессилия, вызванного голодом, и тут же скончалась. Конечно, мёртвые люди — это весьма мрачное и печальное зрелище. Никогда ранее я не сталкивался с подобным, даже когда служил в армии. А теперь трупы были повсюду — абсолютно везде: на улицах, в домах и в квартирах. Они валялись даже на вокзале. Однажды я пошёл на вокзал, чтобы сесть на поезд. Там мне пришлось ждать около часа. Восемьдесят детей-сирот прижимались друг к другу, чтобы согреться. Семеро из них умерли. Мы называем таких детей *кочеби* — никчёмными ласточками. Это дети, чьи родители умерли и которым некуда было идти, и никто не мог им помочь. Все испытывали крайнюю нужду и не в состоянии были прокормить даже самих себя, не говоря уже о том, чтобы делиться с другими. Наблюдая за тем, как дежурный по станции разгонял детей, чтобы выбросить трупы, я не мог не вспомнить и о своём голодном детстве.

Тогда я принял решение: я должен работать не на производстве и не в сфере строительства. Все, кто работал на производстве и на стройке, были обречены на голодную смерть. Трудники этих сфер в то время не получали денег, а отсутствие

денег — это отсутствие пищи, что неизбежно влекло за собой голодную смерть. К счастью, моё образование и партбилет предоставляли мне больше возможностей.

С 1980 года началась кампания по привлечению в страну иностранной валюты. Конечно, люди всё это время занимались подобной деятельностью, но незаконно, на чёрном рынке. Однако теперь правительство стало поручать чиновникам самого высокого ранга легально зарабатывать для страны иностранную валюту. А в то голодное время — это были единственные деньги, которые можно было раздобыть. Так я попал в мир международной торговли.

Конечно, в Северной Корее «международная торговля» главным образом означает ведение бизнеса с Китаем в сфере сбыта северокорейской сельхозпродукции и минеральной руды. Территория Северной Кореи — преимущественно горная, что делает её земли практически непригодными для возделывания. Я узнал это на личном горьком опыте, будучи ещё ребёнком. Однако северокорейская земля богата минеральными ресурсами. Руду добывают бывшие солдаты, которых по завершении службы направляют в шахты. Затем те, кому, как и мне, посчастливилось отучиться в институте, занимаются сбытом этой сырой руды. Её продают в Китай и Россию, грубо говоря, прямо из земли, потому что в стране наблюдается острая нехватка электроэнергии, а также отсутствие технологий по её переработке в более высококачественное сырьё. И это очень печальный факт.

К тому времени с нашей семьёй, которая на тот момент выросла, поскольку у нас родилось двое детей, произошла ещё одна печальная история. Благодаря моему членству в партии, высшему образованию и работе в сфере международной торговли, нам удалось избежать голодной смерти. Но, несмотря на все положительные изменения в моей жизни, у меня было нечто, что я унаследовал от бабушки, дедушки и от родителей, то, что я никогда не мог оставить или забыть: особая «сырая

руда» нашей семьи, которую даже тогда у меня не было возможности «обработать».

Я мало что знал о загадочной вере своего деда, а ещё меньше — о таинственном Боге, Который звал его по имени во времена большой опасности. Но когда мой лучший друг, который столкнулся с проблемами в браке, спросил нас с женой, как нам удалось обрести счастье в супружеской жизни, я не мог не открыть ему правды. «Есть десять заповедей, — сказал я ему. — Небеса всегда наблюдают за тобой. Когда ты нарушаешь заповеди, необходимо попросить прощения. А каждый раз, когда принимаешь еду, следует возносить благодарение».

Видимо, такого совета было недостаточно, чтобы спасти его брак. Как правило, процесс развода в Северной Корее очень сложен. Супругу, инициировавшему развод, необходимо предоставить доказательства того, что второй супруг не является добропорядочным гражданином страны. А если он также известен своими антикоммунистическими взглядами, в таком случае, как вы понимаете, общественные интересы — превыше личных.

Именно таким образом я и оказался в тюрьме за то, что заговорил о Боге. Как не удивительно, но всё это произошло очень близко к месту, где много лет тому назад сотрудники национальной разведывательной службы ворвались к нам в дом. Во многих отношениях весь процесс расследования не сильно отличался от того, что я помнил с детства — только на этот раз мне не позволили вернуться домой после очередного допроса. С самого начала было ясно, что я уже никогда не вернусь.

К расследованию привлекли многих близких мне людей. Некоторые из них давали ложные показания и рассказывали сотрудникам Департамента государственной безопасности то, что те хотели от них услышать. Я не осуждаю их за это. Кому нужны неприятности с властями?

Моё преступление было намного хуже, чем незаконная торговля наручными часами или даже опиумом. Как оказалось, я «пытался сбить друга с пути истины своими религиозными суевериями», что являлось наихудшим из политических преступлений. Как сотрудник сферы международной торговли, я вызывал особые подозрения — предположительно я не только прикарманивал деньги, которые принадлежали государству, но также, должно быть, подрывал государство своей критикой.

Евангелизация, хищение, измена родине — три статьи, каждая из которых предполагала смертную казнь. Однако после допросов произошло то, чему не было аналогов в истории судебной системы Северной Кореи. (Это стало известно со слов людей, которые меня тогда окружали, и от северокорейских беженцев, с которыми я общался позднее.)

Пока велось расследование моего дела, я провёл в заключении более года в самых суровых тюремных условиях без предъявления официального обвинения.

В тюрьме со мной обращались как с букашкой. Каждый день в течение этих тринадцати месяцев ничем не отличался ни от предыдущего, ни от последующего. Подъём в 5 часов утра. Мытьё полов. Уборка. Поход в уборную. Опустошение содержимого ведра. Затем нам приходилось сидеть со скрещёнными ногами и руками на коленях в течение семнадцати часов. Нам не разрешалось поворачивать шею или сутулить спину. Каждые два часа разрешалось сходить в туалет. Двигаться можно было только во время приёма пищи, на что отводилась ровно одна минута. В 10 часов вечера мы ложились спать на деревянном полу вместо коек, обязательно отвернувшись лицом к стене.

Сидеть необходимо было в одной позе, нельзя было шевелиться, даже если вас кусали комары. За любое движение, если вы просто вздрогните, грозило суровое наказание, придуманное

надзирателями, — всегда мучительное и унижительное. Одним из таких наказаний было в течение тридцати минут стоять на полусогнутых ногах, с поднятыми вверх руками, держа миску, до краёв наполненную водой. Если заключённый проливал хоть каплю воды, его избивали прутом до потери сознания. Ещё одно наказание состояло в том, чтобы протянуть руки через тюремную решётку, а охранник, стоявший с другой стороны, палкой с металлическими шипами превращал их в кровавое месиво из кусков кожи и плоти. Тюремщики заставляли заключённых также висеть на перекладине в течение получаса или ползать на четвереньках по деревянному полу.

В основном, однако, я просто сидел неподвижно по семнадцать часов в день на протяжении более года. За это время я много передумал о жизни и обо всём, что я пережил к тому моменту. Я вспоминал о том, как во время службы в армии схоронил любовь Бога на задворках своего сердца, чтобы вместо неё обрести любовь начальства; о том, как превыше всего в жизни стремился вступить в коммунистическую партию; как, достигнув цели, с гордостью вернулся домой из армии; как хотел поступить в институт, получить высшее образование и найти работу, которая будет приносить деньги даже в условиях сильного голода; как думал, что сохранить свою семью мне удалось благодаря собственному интеллекту и трудолюбию, в то время как многие другие семьи умерли от голода. Я вспоминал о том, что говорили мне родители, когда я вернулся из армии, и о том, что я не придавал их словам особого значения. И размышлял, как забыл Бога и не уповал на Него, всецело полагаясь на свои способности.

Оглядываясь назад, я вспоминал воскресные семейные встречи в доме деда и время вопросов и ответов в тени сосен на пляже. *Хананим!..*

Я раскаялся в своём маловерии, в том, что не смог принять и тем более передать в полной мере всё то, что бабушка, де-

душка и родители ценили больше, чем членство в компартии, призовые места на песенных конкурсах, спортивные медали, и даже больше, чем саму жизнь.

Итак, по мере того как проходил час за часом, день за днём, месяц за месяцем, как один год уступал место другому, я всё больше раскаивался. Во мне росло чувство благодарности. Я даже стал благодарить Господа за месяцы, проведённые в тюрьме, — ведь тем самым Он указал мне на мою гордыню и дал время для размышлений. Обычно я бормотал, да так тихо, чтобы невозможно было разобрать слова. Я отчаянно пытался вспомнить каждый гимн, который мы когда-то пели, каждый урок, который когда-то преподавал нам дедушка. Вот как я пришёл к абсолютному упованию на Святого Духа.

«Ибо всякий просящий получает; и ищущий находит; и стучащему отворят» — я всё время вспоминал этот отрывок из Священного Писания. Моя мать шептала мне его ночами в ветреной, холодной, суровой горной деревне во время нашего изгнания, когда голод сковывал нас до боли, а надежда подверглась эрозии, как и земля, которую мы обрабатывали. *Хананим!*.. Я призывал Его имя в уме тысячи раз.

И Бог не оставил меня. Ко всеобщему удивлению, Он спас меня. Обычно на вынесение приговора уходило около месяца. Но если преступление было особо тяжким, предварительное следствие могло длиться в течение трёх месяцев, прежде чем человека отправят в концлагерь или публично казнят, набив рот камнями. Если после завершения расследования обвиняемого вызывали и говорили, что он может идти домой, это означало смерть. Вот что означало «идти домой». Практически никто не уходил из тюрьмы живым; 99 процентам заключённых выносили смертный приговор и приводили в действие соответствующее наказание.

Однако по прошествии года меня освободили. При этом мне не предъявляли вообще никаких обвинений. Следователи изу-

чили мои послушной список, допросили моих коллег. И, в конце концов, ни одно орудие, сделанное против меня, не оказалось успешным. В истории Департамента госбезопасности до тех пор не было ещё такого случая, как мой. Все вокруг поражались. Так я стал свидетелем реального действия Бога; того, что невозможно человеку ни понять, ни совершить.

После освобождения из заключения мне даже дали возможность вернуться к работе в сфере международной торговли. За время долгих размышлений в тюрьме у меня накопилось много вопросов к матери о вере нашей семьи. Я стал расспрашивать о Библии, как молиться перед едой, как это делал дедушка, и как собираться по воскресеньям и соблюдать этот день. У мамы была брошюра, предназначенная для новообращённых верующих. Она сильно рисковала, привезя её из Китая, где получила её во время посещения церкви. Таким образом я пришёл к жизни веры.

Итак, если вы спросите меня, можно ли быть христианином, но при этом поклоняться статуям Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, теперь я отвечу: «Нельзя, если вы имеете истинную веру». Я внимательно одну за другой изучил Десять заповедей и понял, сколько времени я потратил впустую, когда, будучи солдатом, в идолопоклонстве преклонял колени перед статуями вождей, вверяя им свою жизнь и молясь на их изображения на портретах. Нельзя оставаться истинно верующим человеком и одновременно поклоняться идолам.

Никто из нашей семьи не прочёл Библию целиком, но мы знали достаточно, чтобы перестать посещать идолопоклоннические мероприятия, например, те, которые устраивались в день рождения Ким Ир Сена, когда граждане страны приходили к его статуям, чтобы поклониться им. Мы также перестали принимать участие в голосовании. Вместо этого мы исполняли Десять заповедей и делились пищей с соседями, которые переживали трудные времена, и с теми, кто умирал от голода

прямо на улицах. Мы почитали своих родителей. Мы не лгали. И соблюдали день Господень.

Конечно, в условиях жизни в Северной Корее всё это легче сказать, чем сделать. Но я думаю, что так должен поступать любой христианин, в какой бы стране он ни проживал, не так ли? Не укради. Не возжелай. Не лжесвидетельствуй. Почитай мать и отца. И есть ли на планете Земля такой город, квартира или уединённый фермерский дом, где не чувствовали бы себя как дома те, кто верно исполняет эти заповеди?

В Северной Корее гражданам предоставляется особый выбор: совершать идолопоклонство каждый миг своего бодрствования или совершить преступление, караемое смертной казнью, за отказ от первого. Что бы вы предпочли: носить значок Ким Ир Сена, что делать обязан каждый гражданин страны, или робу заключённого концлагеря? Отправить своих детей в школу, чтобы они там учились поклоняться Великому вождю, или отправить их в концлагерь? Послать сына в армию, чтобы принести его тело, да и всю жизнь, в жертву поклонения Верховному руководителю, или позволить набить его рот камнями перед расстрелом? Это похоже на то, когда моей матери пришлось выбирать между воровством и самоубийством. Когда-то я уже попал в тюрьму за недостаток веры, но меня выпустили. Что же мне было делать, когда я обрёл истинную веру?

Иногда необходимо оставить свой дом и своих людей, чтобы спасти их; так однажды Бог сказал моему деду. Вас никто не поймёт, когда вы оставите всё, что имеете и чем дорожите, чтобы последовать за голосом таинственного Бога, медленно, но решительно покидая родной город.

ГЛАВА 3

Мама — дарительница хлеба жизни

Г-н Бэ

Когда коллега-учитель однажды сказала моей маме, что заходил какой-то мужчина и спрашивал её, пока она была на уроке, её сердце бешено заколотилось.

К счастью, это был дружеский визит, который обошёлся без сотрудников службы безопасности, лая собак и выбитых дверей. Так мама познакомилась с моим отцом.

Оба моих родителя происходили из благочестивых христианских семей, проживавших в Китае. Несмотря на то, что бабушка и дедушка по материнской линии, так же как и по отцовской, ходили в разные церкви, они были решительны в том, чтобы их дети заключили брак с такими же христианами из семей, которые они знали. Бабушка по материнской линии хорошо знала верующего из другой церкви. Это был человек, сын которого — в будущем мой отец — работал учителем в школе, где также преподавала её внучка — моя будущая мать. Хотя родители работали в одной школе, они не знали друг друга прежде, чем их семьи начали обсуждать возможность будущего брака. Отец понятия не имел, как выглядела моя мама и какой предмет она преподавала в школе. Он не видел даже её фото. Однако, к его радости, она оказалась очень миловидна.

Отправляясь на первую встречу с отцом, мама взяла с собой двух подруг. Отец был очень высоким, ростом более метра во-

семьдесят, а рост мамы был всего около метра пятидесяти. Сначала мама посчитала, что он слишком высокий для неё. Однако её привлекли его ум и мужественность. Они оба положительно отозвались родителям друг о друге и вскоре поженились.

Культурная революция вытеснила моих родителей и большинство членов моей семьи из Китая в Северную Корею. Родителям пришлось сменить преподавание в школе в Китае на работу на фабрике по производству закусок и конфет в Северной Корее. Они были иммигрантами, а иммигрантам нельзя было доверять такую важную работу, как преподавание. Вместо этого они изготавливали закуски и конфеты. Поскольку мама была очень привлекательной женщиной, на работе за ней увивались мужчины. Но она не обращала на них ни малейшего внимания, а оставалась верной отцу.

Только переехав в дом бабушки и дедушки уже гораздо позже, родители начали жить с Богом, практиковать обязательную молитву перед едой и соблюдать субботу.

Я много времени проводил с мамой, ходил с ней практически повсюду. Однажды она попросила моего деда прогуляться с ней. Она не хотела говорить дома, опасаясь прослушивания. В то время в 1970 году правительство проводило кампанию по истреблению христиан, поэтому верующие были предельно аккуратны, предпринимая всевозможные меры предосторожности в попытке защитить себя.

Мама спросила деда: «Отец, вы действительно слышали голос Бога?» И после положительного ответа она попросила поведать ей всё до мельчайших подробностей. Он рассказал о том, что слышал Его голос особенно ясно во время поста, молитвы или сна. Мама сказала, что тоже хотела бы слышать Бога, как слышал Его мой дед. Ей было грустно от того, что она не слышит Бога, и это заставляло её задаваться вопросом, насколько вера отца глубже её собственной.

В то время матери было за тридцать, и её очень интересовали вопросы веры. Она постоянно расспрашивала деда о Ноевом

ковчеге, Содоме и Гоморре, а также о том, как Бог создал людей. Поскольку тогда в Северной Корее не было Слова Божьего, отец стал для дочери живой Библией. И мама была прилежной ученицей. После смерти деда она передала библейские истории, которые запомнила по его рассказам, мне. Я также выучил Десять заповедей и несколько гимнов.

После того, как дед умер и нас сослали возделывать бесплодную землю в горной местности, мы перестали молиться перед едой. «Слишком опасно», — сказала мама. Но она по-прежнему собирала детей по ночам, чтобы учить нас точно так же, как мой дедушка учил её и других своих детей каждую неделю — жить в соответствии с Десятью заповедями и помнить, что произошло с Содомом и Гоморрой. Она рассказывала нам историю о Моисее, как мать положила его в корзину и оставила в тростнике на берегу Нила. Мы слушали эти древние истории с интересом, однако её цель состояла не в том, чтобы развлечь нас. Суть всех историй была одна и та же, особенно в самые трудные времена: Бог всегда наблюдает за нами, где бы мы ни находились, Он видит всё, что мы делаем. Она хотела, чтобы мы помнили об этом и вели праведную жизнь.

В ссылке наше существование было очень трудным. Я много раз слышал, как отец винил в наших бедах маму, потому что именно она впустила в дом преступницу. Но мама всегда отвечала: «Как же мы можем отвернуться от бедных и нуждающихся, которые приезжают сюда из Китая? Как мы, христиане, можем так поступать? Это могло быть испытание от Бога. Мы должны ходить в вере каждый миг и никогда не позволять ей поколебаться». И хотя папа соглашался с её словами, но всё же он был недоволен нашим нынешним положением.

Тем не менее мама всегда жила по вере. Она сочувствовала голодным и бедным и делилась с ними тем малым, что имела. Она всегда была внимательна и щедра к людям. И в те самые трудные времена мама была поддержкой и опорой для всех нас — для моего отца, меня, моих братьев и сестёр.

В то время как папа легко раздражался и начинал спорить, когда переживал стресс, мамино поведение не менялось ни на йоту. Она с улыбкой преодолевала каждую трудность. Несмотря на то, что мама была невысокого роста, она ничего не страшилась. «Чего мне бояться? — часто повторяла она. — Бог на моей стороне, и Он проложит нам путь даже в самые трудные времена, Он решит все наши проблемы. Зачем заикливаться на трудностях?» Перебираясь в Северную Корею из Китая (что являлось незаконным пересечением государственной границы), она совсем не паниковала, а искренне верила, что Бог сохранит её.

К тому же мама была ещё и весьма мудрой женщиной. Её можно даже назвать пионером в сфере частного бизнеса в Северной Корее. Она никогда этому не училась. Лучшим учителем стала для неё нужда. Сам Бог наставлял её. Теперь позвольте рассказать подробнее.

Когда нас сослали в отдалённое поселение на сельскохозяйственные работы, мама воспитывала детей, а папа работал на фабрике и на сельскохозяйственных угодьях. Мама родила ещё троих малышей, и к тому времени, когда мы уехали с фермы, в нашей семье было уже шестеро детей. Поскольку отец занимался физическим трудом, мы получали продовольственные пайки от правительства, но из-за того, что мы были иммигрантами, однажды нарушившими закон, — мы никогда не получали столько, сколько нам было положено. Обычная норма составляла 700 граммов в день, но мы всегда получали лишь 550 граммов — меньше, чем необходимо для поддержания нормальной жизнедеятельности. Остальную часть прикарманивало правительство, которое требовало, чтобы каждая семья «жертвовала» часть своего рисового пайка в правительственный «военный фонд».

В результате мама сделала то, чего, насколько нам известно, ранее никто не делал в коммунистической Северной Корее. Она стала частным предпринимателем в сфере продажи хлеба. Она

совершенно не разбиралась ни в выпечке хлеба, ни в ведении бизнеса. Она знала лишь то, что её дети должны расти здоровыми и что Бог будет направлять и защищать её в достижении этой благой цели.

Конечно, в коммунистической стране частная торговля была противозаконна, но мама нашла способ заниматься ею при полном содействии правительства. В Северной Корее заведующий промышленно-продовольственной базой руководит несколькими государственными ресторанами. Мама заключила с одним из таких заведующих договор, в соответствии с которым она должна была сообщать обо всех своих продажах выпечки и отдавать половину заработанных денег ресторану, оставляя себе вторую часть. Так в выигрыше оставались все — правительство, заведующий и мамины дети, которые не умерли от голода. На самом деле, учитывая обстоятельства, мы выросли вполне даже здоровыми.

И в выпечке мама достигла успехов. Замешивая тесто из кукурузной муки, она добавляла туда 5 процентов пшеничной — и хлеб получался очень вкусным. Она нигде раньше не училась печь хлеб, поэтому изобретала свои рецепты и технологию приготовления: пекла его на чугунной сковородке. Некоторые посетители ресторана заказывали по десять караваев маминого хлеба!

Двадцать лет спустя это раннее проявление коммерческой жилки у матери окажется спасительным. К началу 90-х годов государственные пайки практически исчезли, а желание и рвение правительства арестовывать частных торговцев только росло. Гражданам позволялось продавать лишь то, что они изготавливали, выращивали или собирали для себя, — например, клевер, палки или совки. Если торговец был уличён в продаже одежды, обуви или хлеба, его тут же арестовывали по подозрению в расхищении государственных запасов.

Так что маме вновь пришлось прибегнуть к смекалке. Или, если выразиться точнее, к мудрости Бога, которую она

получала через молитву. Хотя, взглянув на неё, никто бы не смог догадаться, что она молилась, потому что северокорейские христиане не имеют возможности молиться так, как это делаете вы, склонив головы и закрыв глаза. Если они будут молиться, как это обычно делают верующие в других странах, то сразу же окажутся в тюрьмах или в концлагерях. Итак, та молитва, которую я видел, просыпаясь посреди ночи, выглядела следующим образом — мама сидела молча и неподвижно в течение долгого времени, прислушиваясь к голосу Того, Кто много раз обращался к её отцу.

Так ей пришла в голову идея покупать импортные товары из Китая и продавать их соседям. Этот новый вид деятельности не был незаконным: в конце концов, мы сами были из Китая, и у нас там оставались многочисленные родственники. К тому же закона, запрещающего продажу того, что ваши родственники прислали вам из Китая, не существовало.

Хотя многие другие также занимались продажей китайских товаров, соседи закупались именно у нас. К тому же мама привлекала новых покупателей, устанавливая более низкие цены, поскольку мы получали товары напрямую от родственников.

В то время в Северной Корее была введена новая политика, инициатором которой был сам Ким Чен Ир. Уважаемый лидер объявил, что правительство больше не будет предоставлять пайки. Вместо этого отныне граждане должны будут обеспечивать себя сами. Каким-то образом людям придётся самостоятельно удовлетворять свои потребности в продовольствии, зарабатывая при этом деньги на транспорт и топливо.

К счастью, мои родители были хорошо подготовлены к такому повороту событий. Тот факт, что мы были иммигрантами, и это на протяжении всей жизни в Северной Корее было основным источником всех наших бед, наконец-то принёс нам пользу, ведь мои родители имели особые навыки: они прекрасно говорили по-китайски в стране, где немногие граждане

владели китайским языком. У мамы в Китае был давний друг, сын которого руководил торговой компанией, поэтому они обратились к нам в надежде, что мой отец будет работать у них в качестве переводчика. Родители произвели впечатление на эту китайскую семью, рассмешив их шуткой, рассказанной на китайском языке. А что ещё более важно, они объяснили, что в работе, предлагаемой моим родителям, нет ничего противозаконного. Таким образом сделка состоялась: в начале 1990-х отцу выдали договор о трудоустройстве, и родители переехали в город на границе Китая и Северной Кореи. Для спасения нашей семьи, а также жизней других людей от надвигающегося голода — это было весьма своевременно. История моего деда продолжалась, но теперь мы сами стали её действующими лицами!

Работа переводчиком в торговой компании предоставила отцу прекрасную возможность выезжать из Северной Кореи и заезжать обратно с целью проведения обучения для партнёров компании. По этой причине многие стали положительно отзываться о нём в высших кругах. Всё это время мама направляла отца. Именно она посоветовала ему отправлять большую часть заработанных им средств нам, детям.

И цель заключалась не в том, чтобы наша семья разбогатела. Как всегда, мама думала об оказании помощи бедным. Она помогала северокорейцам, которые пытались выжить в условиях голода и страданий. Это было ещё до начала так называемого «Трудного похода» — беспрецедентного голода и страданий — начавшегося в 1995 году. Поскольку мама была известна своей готовностью помогать окружающим, к ней часто обращались сироты, которые просили денег. Мама всегда помогала им чем могла. Вскоре в родительский дом начали стекаться потоки людей, нуждающихся в помощи и пропитании. Мама никогда не жаловалась, хотя некоторые из нас опасались, что у неё могут возникнуть проблемы с законом из-за укрывания нарушителей порядка. Но она упрекала

нас: «Как вы думаете, кто помог нам обрести благополучие? Мы всем обязаны Богу. Всё, что у нас есть, дал нам Бог».

Повторяя это в столь непростое для семьи время, она всегда направляла наши взоры на Бога. Никто не нуждался в этом больше, чем мой младший брат. Моих родителей так много раз обманывали те, кто обращался за помощью, что он стал выражать недовольство и даже пригрозил маме. Ко мне мама относилась по-другому, потому что я не вёл себя так, как он.

В то время мама решила, что для нуждающихся недостаточно, что они с отцом кормят их у себя дома, и решила направлять их для получения дальнейшей помощи в китайские церкви. Она советовала сиротам отправляться в Китай и искать здания с крестом на крыше. «Скажи, что ты из Северной Кореи, и попросись пожить в церкви», — советовала она, зная, что христиане примут нуждающихся. В то время как весь мир вокруг мамы погибал от голода, даже когда ей самой приходилось туго, она ежедневно подвергала себя опасности — направляла северокорейцев в китайские церкви. Особенно она заботилась о красивых девушках. Нехватка женщин в Китае и полное отчаяние из-за сильнейшего голода почти наверняка обрекали их на то, что они станут жертвами сексуальной эксплуатации. Поэтому мать всегда советовала: идти в Китай, найти там здание с крестом на крыше, выйти замуж и продолжать регулярно посещать церковь.

Даже в старости у мамы не было проблем со здоровьем. Её способность хорошо видеть и слышать не ухудшились даже с возрастом. И один голос не переставал говорить с ней — тот, который слышал её отец и который она тоже очень хотела слышать. Я не знаю, говорил ли Бог с ней так же, как с ним, но знаю одно: она делала то, чего никогда не делал мой дед — проповедовала Евангелие большому количеству северокорейцев.

Провозглашаемая матерью Благая весть достигала не только родных и близких. Чувствуя приближение конца, она стала прилагать ещё больше усилий, чтобы направить каждого севе-

рокорейца, с которым встречалась, к вере в Христа. Более того, она ездила в Китай, где набирала христианские материалы для новообращённых и провозила их контрабандой в Северную Корею. Обычно это были тоненькие книжицы размером с ладонь, которые можно было легко спрятать, но всё равно контрабанда таких материалов всегда была крайне рискованным делом. Мать заворачивала их в полиэтиленовые пакеты и прятала в разных местах, чтобы их было сложнее найти в случае обыска.

Сейчас, читая всё, написанное мною, я не перестаю удивляться. Я хотел бы передать вам, насколько невозможным было то, что делала моя мама, и совершала она это абсолютно бесстрашно. Она благовествовала даже соседям — для Северной Кореи это просто невысказано! Никто не решится благовествовать соседям — слишком велика опасность доноса. Ведь северокорейцы обязаны сообщать обо всём, что происходит вокруг. Люди следят друг за другом, пытаясь выяснить, является ли кто-либо из них информатором. Иисус сказал, что где двое или трое собраны во имя Его, там Он посреди них. Но в Северной Корее, где бы ни собрались двое или трое, они всегда будут подозревать друг друга, сомневаться относительно намерений остальных и гадать, кто из них доносит властям. Как можно благовествовать в таких условиях?

Однако мама всегда делала это. Если мне не изменяет память, к ней в разное время приходили около семи человек. Мама заводила их в комнату, запирала дверь и вместе с ними изучала христианские материалы для новообращённых. Они выходили из комнаты спасёнными и покидали дом, будучи уже братьями и сёстрами по вере. И это было просто потрясающе! Сначала выпечка и продажа хлеба. Потом торговля импортными товарами. Теперь благовестие. Представляете ли вы, каким отважным первопроходцем была моя мать в условиях жизни в Северной Корее?

Она всегда советовала нам переехать в Китай. В Северной Корее мои младшие брат и сестра работали учителями. Вам не

передать, как трудно в этой стране быть учителем. У них нет другого выбора, кроме как есть кашу на каждый приём пищи и всё равно при этом оставаться голодными. Более того, можете ли вы представить себе тайного христианина, который работает в системе образования, целиком и полностью построенной на прославлении Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и поклонении им?

Однако моя младшая сестра и невестка были парализованы страхом и боялись что-либо сделать не так. По их мнению, чтобы решить все наши проблемы, нужно было убедить мать сдаться властям. Если её поймают на христианской деятельности, всех нас отправят в концлагерь за её «преступления». Поэтому сестра и невестка хотели, чтобы мама дала признательные показания и тем самым освободила от ответственности остальных членов семьи. Но мама была непоколебима. Она сказала: «Скоро наступит конец света. А до этого мне нужно привести к Богу как можно больше людей. Так что даже не просите меня сдаться».

Когда мать в очередной раз посоветовала нам переехать в Китай, я задумался об этом всерьёз. Проходило время, и я укреплялся в вере. Меня всё больше беспокоило идолопоклонство северокорейского общества. Как мы могли поклоняться Богу и соблюдать Его Десять заповедей в таких условиях? Между тем принималось всё больше законов по борьбе с «инакомыслием». Женщинам разрешалось носить только юбки. Каблуки их туфель не должны были превышать 5 см. Запрещалось носить одежду с надписями на английском языке. Длинные волосы были уголовно наказуемы. Государство больше не снабжало нас электроэнергией, продовольственными пайками и не предоставляло услуги железнодорожного транспорта.

И это были не просто определённые неудобства: нашу дочь допрашивали всю ночь, когда однажды её задержали на улице за то, что на ней были брюки. Сначала мы даже не знали, где она, и потому не могли ничем ей помочь. Учитывая, что мы

и так находились под пристальным вниманием властей из-за моего прошлого, каждый новый закон давал правительству очередной повод для проверки и задержания членов нашей семьи. Кольцо вокруг нас сжималось неумолимо быстро. Сколько ещё пройдёт дней, недель или месяцев, прежде чем мою мать поймают и вместе со всей нашей семьёй бросят в один из концентрационных лагерей Северной Кореи?

Однако не это было основной причиной, по которой я решил оставить страну. А мои воспоминания. Я вспомнил, как в детстве сопровождал маму во время прогулки с дедом, и она спросила его: «Вы действительно слышали голос Бога?» Как она хотела иметь такую глубокую веру, чтобы слышать голос Бога! И теперь она, абсолютно бесстрашная, ходит по краю лезвия, провозглашая Слово Божье. Это напомнило мне деда, стоящего в дверях церкви, преграждающего путь японским солдатам. Теперь она стала очень похожа на него.

А я? Стоя на пороге самого важного решения в моей жизни, я вспомнил призыв Бога к деду оставить всё и покинуть своё селение, чтобы спасти его. И я знал, что тоже стал таким, как они, благодаря их учению, их примеру и по благодати Божьей. Я мог оставить всё и последовать за Богом, чтобы спасти то, что мне дорого и что я не мог спасти в одиночку. Поэтому я решил покинуть Северную Корею и отправиться не только в Китай, а ещё дальше — в Южную Корею. По благодати Божьей я был готов проложить путь всей своей семье в надежде, что однажды мы сможем спасти и весь свой народ.

В тот миг, когда я обернулся, стоя на берегу реки, прежде чем пересечь её и оказаться в Китае, мать крикнула мне всего одно наставление.

«Сохрани веру!»

ГЛАВА 4

Жена — десантница

Г-жа Бэ

Мой отец работал инспектором предприятий при правительстве, и мать также была госслужащей. Честно говоря, в детстве я ничего не знала о политике. Однако мне было известно, что в нашей семье были сильны традиции честности и порядочности. Оглядываясь назад, мы с мужем видим, что мои родители знали немало о политике и о том, как держаться подальше от неприятностей и, в то же время, оставаться на хорошем счету у властей.

Мои родители соблюдали закон, но делали они это не из страха перед ним. Работая в сфере экономики, они никогда ничего не воровали и не продавали на чёрном рынке, как это делали многие другие, причастные к той же сфере. Наоборот, каждую свободную минуту родители выполняли сверхурочную работу. Отец выходил поработать на поле в 3 часа ночи перед своей основной работой. А мама и бабушка дополнительно занимались шитьём и ткачеством. В результате, хотя наша семья состояла из двенадцати человек, у нас никогда не было недостатка в еде, и все соседи завидовали нашему благосостоянию. Мы хорошо ели, хорошо одевались и жили в комфортных условиях. Когда в 1969 году я пошла в школу, образование было бесплатным для всех.

Будучи детьми, я и мои братья и сёстры получили хорошее воспитание не в начальной школе, а дома. Наблюдая за тем, как жили наши родители, мы учились на их примере. Вся про-

грамма этического обучения в школе заключалась в том, чтобы ребёнок соблюдал правила хорошего поведения, здоровался при встрече и прощался при расставании, не воровал и так далее. Однако родители растили нас иначе, они учили нас не причинять вреда другим, не говорить плохо о человеке за его спиной.

Стандарты морального воспитания родителей были намного выше школьных. Они говорили: «Вы не сможете делиться пищей с другими, если будете всё съесть сами». Родители также научили нас, что, делаясь чем-либо с окружающими, необходимо давать в достаточном количестве. Обычно, когда люди делятся едой с соседями, они выделяют совсем немного — ровно столько, чтобы можно было записать эту щедрость в список своих заслуг. Мои родители были другими. Когда они готовили *сонпён* (рисовые пирожки в форме полумесяца), то делали их не только восхитительно вкусными, но и всегда в количестве, превышающим необходимое для нашей семьи. Таким образом, каждый из нас получал свою долю, а также ещё оставалось, чтобы угостить соседей. Мама с отцом хотели, чтобы они в полной мере насладились рисовыми пирожками. Так нас учили.

Мы жили недалеко от океана. Иногда после работы родители приносили домой рыбу и морепродукты. Они всегда учили нас отдавать часть их соседям, при этом мама обязательно следила за тем, чтобы мы отдавали крупную рыбу и морепродукты лучшего качества. Иногда она говорила: «Тебе должно быть стыдно давать такое! Выбери рыбу получше». Вот какой пример подавали нам родители. Они научили меня большему, чем учителя в школе.

И поскольку я училась их примеру и была руководима их мудростью, в школе меня часто хвалили. Однажды во втором классе одноклассники проголосовали за то, чтобы вручить мне престижный значок с тремя пуговицами и двумя лычками и высокое звание командира отряда. В нашем классе было всего пятьдесят шесть учеников. Класс подразделялся на звенья по

шесть-семь учеников в каждом. Во главе звена стоял звеньевой. А командир отряда отвечал за весь класс, за всех пятьдесят шесть учащихся и носил отличительный галстук.

Я научилась писать раньше других. Будучи инспектором, отец часто бывал в командировках. Однажды, вернувшись домой, он сел и стал наблюдать, как я выполняла домашнее задание. Я писала изложение на несколько страниц о прочитанной мной книге. Отец сказал: «Ты молодец. Как ты смогла написать так много, прочитав текст всего лишь раз?» Думаю, у меня была довольно хорошая память. Я могла раз прочесть страницу текста и запомнить его достаточно хорошо, чтобы потом записать по памяти. На самом деле, мои родители тоже были очень умными.

Меня не учили бегло читать, красноречиво говорить и грамотно писать, я сама научилась всему этому, будучи командиром отряда класса. В Северной Корее часто проводятся конкурсы ораторского искусства. И я участвовала в таких конкурсах, где завоевала много призов. Мои выступления назывались «Наказание американцев», «Расправа над Америкой», «Америка — смертельный враг Северной Кореи» и «Жестокость американцев по отношению к Северной Корее во время Корейской войны».

Начиная с начальной школы нам рассказывали о великом главе государства Ким Ир Сене. Образование в Северной Корее основано на воспитании преданности Великому вождю. Первое, чему я научилась в школе, это говорить: «Спасибо Великому вождю Ким Ир Сену!» Целью каждого урока было изучение наших обязательств перед революцией. Независимо от того, что мы изучали, будь то корейский алфавит или арифметика, задача школьного образования заключалась в том, чтобы воспитать из учащихся солдат революции, которые навсегда останутся верными вождю. Нас учили, что Ким Ир Сен — бог, и без него мы умрём с голоду, наша страна подвергнется вторжению,

и мы станем рабами Америки или Японии. Чтобы защитить наш народ и великого Ким Ир Сена, нам необходимо хорошо учиться в школе и неустанно трудиться после её окончания. В этом и состояла основная цель нашего образования. Будучи солдатами революции, мы должны были получать полезные и практические знания.

Я была определённно одной из самых преданных и старательных учениц школы. В начальных классах я трижды удостоивалась почётных грамот: от военных, а также от пионерской и комсомольской организаций. Меня считали лучшей среди восьмисот учеников школы.

Я росла, не исповедуя христианские ценности, хотя это не значит, что я никогда не слышала о христианстве. Вот история об американском миссионере, которую я прочла в одном из школьных учебников.

Эта история произошла до Отечественной освободительной войны, которая известна в мире как Корейская война. История гласит, что у американского миссионера была домработница. Сына домработницы звали Бок-Нам. Бок-Нам пришёл в дом миссионера к матери. Дом был ограждён забором, за который упало яблоко с дерева, растущего во дворе. Бок-Нам поднял яблоко, а сын миссионера увидел это. Он побежал к отцу и няябедничал: «Отец, Бок-Нам украл у нас яблоко!»

Миссионер затянул Бок-Нама в дом и кислотой выжег слово «вор» у него на лбу.

«Однако настоящим преступником был сам миссионер», — говорилось в учебнике. Ведь под маской безобидной овцы скрывался лицемер, который пробрался в Северную Корею. Итак, подытоживал учебник, он был нечестивым изнутри.

Правительство преднамеренно пропагандировало ненависть к миссионерам с целью отвратить нас от веры в Иисуса Христа. Я понимала, что Северная Корея использовала «освободительную» войну, чтобы вызвать у северокорейцев

ненависть к США, а историю про миссионера — чтобы вынудить нас отказаться от Бога.

В учебнике также говорилось, что миссионер пытался научить северокорейцев «глупой» культуре. Как же глупо, говорили они, что, если кто-то ударит тебя по щеке, ты должен обратиться к нему другую. Народ, соблюдающий подобные правила, погибнет, в чём, по их словам, и заключался план миссионера.

Итак, с детства каждого северокорейского школьника учили поклоняться Ким Ир Сену и ему одному. Как нас убеждали, другого бога не существует.

В начальной школе Северной Кореи четыре класса. После начальной школы дети переходят в среднюю. В средней школе шесть классов. Дошкольное обучение доступно за год до начала начальной школы, но не является обязательным.

Когда учащимся исполняется девять лет, они могут вступить в пионеры — стать членами Союза детей Кореи. Отличительным знаком пионера является галстук. Для вступления в пионерскую организацию необходимо принести присягу. После принесения присяги ученики с хорошей успеваемостью получают пионерский галстук. Я была первой ученицей класса, вступившей в ряды пионеров и получившей галстук — немалое достижение для девочки!

После окончания начальной школы я перешла в среднюю. Поскольку я очень много занималась, то и в средней школе добилась значительных успехов. Мне не нравилось быть отстающей. Оглядываясь назад, я думаю, что тогда сам Бог давал мне мудрость и разумение, которые позволяли пробивать себе дорогу и добиваться успехов.

Я неплохо владела писательским мастерством. При этом почерк у меня был аккуратный, и мне хорошо давались сочинения. Я прекрасно помню, как моё эссе под названием «День похода» завоевало первый приз на конкурсе. В то время мой старший брат уже учился в выпускном классе. Как-то он ска-

зал мне: «Твой учитель утверждает, что ты лучшая. Давай проверим, так ли это». Брат собрал друзей и попросил меня написать что-нибудь, чтобы он прочитал моё сочинение вслух. И я исполнила его просьбу.

«Ух ты! А ты действительно хороша!» — признали они.

Мы изучали физику, химию и биологию. Ученики готовили подробные лабораторные работы и проводили эксперименты, а учителя оценивали их труд. По результатам оценивания к экзамену допускались только те учащиеся, которые отвечали наиболее высоким требованиям; остальные оставались не у дел. Все ученики относились к этому, как к очень важному состязанию. Я усиленно занималась и трудилась над тем, чтобы получить допуск к экзамену. Я старалась, чтобы мои работы всегда выглядели как можно более профессионально. Школьникам приходилось писать и оформлять их самостоятельно, так как родители всегда были слишком заняты, чтобы помогать детям с учёбой. К счастью, с детства я читала много книг и знала, как красиво оформить работу, как сделать красивый титульный лист. Мои лучшие воспоминания о школьных днях связаны с чтением книг и написанием учебных работ.

Результаты каждого конкурса объявлялись в школе публично. Всякий раз, когда я занимала второе место, я была сильно подавлена и долго не могла спать по ночам. А когда получала первое, то спокойно спала сном удовлетворённой школьницы-революционера.

В средней школе я тоже была командиром отряда с первого по третий класс. Мальчики чувствовали себя некомфортно рядом со мной, потому что я мало говорила, обладала высоким уровнем навыков и хорошими способностями, выраженными лидерскими качествами и часто участвовала в таких мероприятиях, как конкурсы ораторского искусства. На самом деле, если вспомнить, неуютно рядом со мной чувствовали себя как мальчики, так и девочки.

Тем не менее, благодаря родительскому воспитанию, я обладала добрым нравом. Среди нас было много учеников, которые совсем не учились, также были те, кто плохо учился из-за трудностей в семье. Их семьям приходилось полагаться на продовольственные пайки, и, если родители не имели работы или болели, им жилось очень нелегко. Будучи командиром отряда, я всячески старалась им помочь. Деля всех учащихся на группы, я давала шефство ученикам с хорошей успеваемостью над теми, кто отставал. Иногда я собирала дрова для нуждающихся учеников из моего класса. Я также призывала тех, у кого было хоть немного лишних средств, пожертвовать их нашим товарищам из малообеспеченных семей — например, поделиться своими деньгами на карманные расходы с теми, кто испытывал нужду. Если ученик не имел обуви, тетрадей или карандашей, я давала свои или просила одноклассников также поделиться с ним. В обеденное время я призывала всех делиться своим обедом с теми, у кого его не было.

Делиться с другими в то время в Северной Корее было очень просто. На самом деле тех, кто совершали добрые дела, было не так уж и много; однако я поступала так, потому что таким образом меня воспитали родители. Отец научил меня добросердечию и снисходительности к другим. Он учил меня первой приветствовать тех, кто встречается на пути — будь то фермер, который вёл за собой быка. Я видела, как тепло отец сам приветствовал крестьян: «Брат, ты откуда?» Для нас он всегда был примером для подражания. В нашем городе были люди с различными физическими недостатками, которые страдали от дискриминации и общественного пренебрежения. Но это не касалось дома моих родителей — они великолепно готовили, и даже несмотря на то, что в семье было много детей, за столом всегда находилось место для таких особых гостей.

Пока я рассказывала только о том, что у меня получалось хорошо. Однако в одной дисциплине я определённо была

отстающей — в стрельбе из пистолета. В четвёртом классе средней школы я вступила в военную организацию «Красная гвардия». По характеру я была очень робкой. В организации вместе со мной состояли ученики, которые попадали в яблочко каждый раз, когда нажимали на курок, а я не могла попасть даже в самую мишень. Все пули, выпущенные мной, пролетали мимо цели.

Но больше всего я ненавидела то, что называлось «боевым подкреплением сельского хозяйства». С первого по третий класс средней школы после занятий нас вывозили на полевые работы. В четвёртом классе в рамках системы распределения продуктов питания всем выдавали продуктовые карточки. Дети ходили на работу к родителям, чтобы получить карточки на пятнадцать дней или на месяц, а затем отправлялись на ферму, чтобы забрать свои продовольственные пайки. Взрослые обычно выходили на поля в 5 часов утра, перед основной работой, чтобы успеть потрудиться на поле, а затем получить свой паёк, но дети не могли выходить так рано, потому что на улице была стужа. Даже в мае в Северной Корее ещё очень холодно; когда же шёл дождь или было ненастье, дети мёрзли и не могли работать.

На сельхозугодьях за каждой семьёй закрепляли участок земли, который составлял более 3 км². Мы целый день выкапывали рассаду риса и получали 0,5 балла за весь день. Чтобы получить продукты, необходимо набрать 1 балл. Итак, представьте себе, чтобы заработать продовольственный паёк, необходимо выкопать рассаду риса на площади более 6 км². Это изнуряющий труд. А ведь, кроме этого, ещё нужно учиться и быть активным членом молодёжной организации. К счастью, мне не пришлось работать так много, как другим, потому что я была самой младшей в семье.

Весной мы были вынуждены в течение тридцати-сорока пяти дней пропалывать свою часть надела сельхозугодий. А осенью мы

были обязаны пятнадцать дней собирать рис и кукурузу. После того, как взойдут всходы риса, их необходимо вручную выкопать и пересадить на рисовые поля. Как я ненавидела эту работу!

В средней школе преданность государству была абсолютно основополагающей. Вдобавок ко всему прочему, каждый ученик должен был сажать бобы и ежегодно сдавать не менее 1 кг. Нам также приходилось собирать для сдачи металлолом, стекло и бутылки.

Одним из самых сложных заданий для учеников была сдача кроличьих шкур. Каждому из нас нужно было вырастить дома кролика, съесть его и сдать шкуру. Однако проблема состояла в том, что я должна была выращивать его самостоятельно. Я жаловалась на это родителям, но мои братья и сёстры не могли мне помочь, поскольку им тоже нужно было сдать свою норму. Да и шкуры маленького размера в школе не принимали. Мне очень не нравилось выполнять эти задания.

Школа отправляла всё собранное нами в армию или на стройки. Северокорейских школьников всегда учат, что учёба имеет важное значение, но также важна и поддержка сельского хозяйства, и выращивание нормы бобов, и сбор лома, и снятие шкур с кроликов. Так что жизнь северокорейского школьника — это постоянный труд, как умственный, так и физический.

В отличие от кроликов, мне удалось выжить. Я даже получила рекомендацию на поступление в университет и стала, таким образом, одной из четырёх учеников школы, которых позже выбрали для поступления в вуз. После того, как университеты отбирают абитуриентов, которые смогут обучаться у них, военные вербуют понравившихся им из оставшихся. А те, кого не взяли ни те, ни другие, попадают на шахты или на сельхозработы. В моё время дети обычно шли по стопам родителей: если родители работали на полях, дети шли за ними. Если родители работали на шахте, дети следовали в шахту.

Я получила рекомендацию школы для поступления в университет, но мне также советовали пойти в армию. Так что я прошла медицинский осмотр для вступления в армию и сдала вступительный экзамен в университет одновременно. Я получила письмо о зачислении и в армию, и в университет. Когда я увидела, что многие из моих друзей идут в армию, мне захотелось пойти вместе с ними. Но родители запротестовали: «Твой брат и сестра служат в армии. Зачем и тебе идти туда?» Они хотели, чтобы я стала преподавателем, потому что им не приходится работать на улице в дождь и снег и у них всегда чистая обувь.

Однако я не сдавалась. Перед тем, как отец отправлялся в командировку, родители обычно обедали вместе. Поэтому однажды, во время их обеда, я осмелилась распахнуть дверь, войти в комнату и заявить: «В этом доме живут только реакционеры. Я пойду в армию и стану десантником! — я обладала огромными амбициями. — А потом меня с честью отправят в запас в должности командира батальона. Я докажу вам! Я хочу пойти в армию как можно скорее!»

На мгновение родители застыли в замешательстве. Придя же в себя, отец отрезал: «Ты не пойдёшь в армию!» Они настаивали на том, что лучше всего мне подходит карьера учителя. Поэтому из-за их противодействия у меня не оставалось другого выбора, кроме как поступить в университет.

Многие профессора хотели, чтобы я училась именно на их кафедре и убеждали: «Ты должна учиться у нас!» Мне предлагали стать учителем начальной школы, средних классов и руководителем пионерской организации. Один из таких руководителей даже связался с моими родителями и спросил: «Кем вы хотите видеть свою дочь?» Родители ответили, что я непременно должна получить профессию учителя.

Что же касается меня самой, то я не хотела становиться учителем и возражала родителям: «Как я буду заниматься с

маленькими детьми?» Но они лишь повторяли, что учитель — это чистая, благородная и почётная профессия. Так началась моя учительская карьера.

Одна из причин, по которой я не хотела быть учителем, заключалась в том, что неотъемлемой частью преподавания в Северной Корее является политическое воспитание — ежедневные клятвы верности государству и тому подобное, что со временем становится утомительным. С первого класса средней школы ученики обязаны были декламировать клятву «нашему уважаемому отцу Ким Ир Сену», и только после этого начинались занятия. Когда я была командиром отряда класса, мне приходилось всегда носить с собой папку с обложкой красного цвета. На первой странице был текст присяги на верность Ким Ир Сену, а на следующей — ещё одна клятва, которая гласила: «Клянусь усердно учиться и быть примерным пионером». Мне приходилось проводить ежедневное декламирование этой присяги. Поэтому я очень хотела, чтобы мне не пришлось делать то же самое ещё и в вузе.

Учёба в университете подразумевала активную общественную деятельность. Разнообразные встречи и многочисленные собрания на протяжении всего дня, необходимые, чтобы наши преподаватели могли удостовериться, что во всех сферах жизни мы являемся солдатами революции. Группы, состоящие из сорока пяти студентов, участвовали во всевозможных мероприятиях. Каждую группу возглавляли представитель ассоциации студентов и преподаватель. Изначально такая групповая деятельность занимала два дня в неделю. Потом её сделали ежедневной. Вдобавок существовали мероприятия, которые необходимо было проводить ежемесячно, ежеквартально и ежегодно. Будучи студенткой, мне приходилось писать ежедневные отчёты, доклады, планы и составлять повестки собраний. Я просто терпеть этого не могла и дала себе слово, что никогда не стану главой студенческой ассоциации.

Но как вы, возможно, уже догадались, главой ассоциации студентов нашего университета я всё же стала. Мне это очень не нравилось. Каждое утро приходилось выполнять задания, связанные с организацией программы общественной деятельности. В мои обязанности входило ежедневно просматривать журналы общественной жизни студентов, и это совершенно не оставляло времени на учёбу. Когда другие студенты учились, мне приходилось писать отчёты об общественной жизни, проводить оценивание и разрабатывать планы. Все эти документы я должна была сдавать на проверку в Комитет ассоциации университетов. В то время как другие возвращались домой в 6 часов вечера, я возвращалась за час до полуночи. В результате у меня больше времени уходило на работу в ассоциации студентов университета, чем на получение образования.

Никто и представить себе не мог, насколько всё это абсурдно, однако быть солдатами революции являлось основополагающим и для студентов. В конце концов на нас лежала ответственность за то, чтобы развивать её историю. Мы тратили большую часть времени на изучение великой политики коммунизма и социализма, поэтому его почти не оставалось для изучения чего-либо ещё. Мы все хотели быть учителями и членами коммунистической партии. А для вступления в партию требовалось гораздо больше, чем просто вырастить нескольких кроликов и снять с них шкуры.

Приближаясь к завершению получения высшего образования, я намеривалась добиться членства в партии. Университет я заканчивала с отличием, а это означало, что я могла претендовать на престижную преподавательскую должность в лучшей школе страны.

Но в Северной Корее всё всегда сводится к потребностям партии, государства и революции. Поскольку я была родом из деревни, расположенной у границы Северной и Южной Кореи, это означало, что я, как и все остальные жители этой деревни,

имела особые обязательства перед Родиной — пройти курс военной подготовки. Поэтому меня направили нести караульную службу и охранять гору, которая считалась особенно уязвимой для нападения с юга. К счастью, я имела отличный послужной список и скоро мне позволили вернуться в университет, чтобы закончить обучение.

После окончания учёбы меня распределили на работу в школу тоже недалеко от границы. Со двора школы виднелась колючая проволока демилитаризованной зоны — участок земли, который служит буфером между Северной и Южной Кореей. Всё это время нас кормили обещаниями процветания и благополучия.

Однако жизнь учителей в Северной Корее (особенно незамужних, молодых и талантливых) не предполагает постоянства и стабильности. Вскоре меня направили на восемь месяцев в другую школу. А потом вообще перевели в другой город. Но не всё было так уж плохо.

Большинство людей хранят весьма тёплые воспоминания о своих студенческих годах. Возможно, потому что им не пришлось ежедневно до одиннадцати часов вечера составлять отчёты о разнообразных собраниях и сдавать их на проверку в Комитет ассоциации университетов. Итак, одни из самых счастливых воспоминаний моей молодости относятся ко времени, когда моя учительская карьера только начиналась. Я обладала энергией и множеством прогрессивных идей, поэтому достигала успехов на преподавательском поприще, и результаты моей работы были достаточно высокими. Не имея собственного автомобиля, мне приходилось преодолевать расстояние в 35 км, чтобы добраться до школы из центра города. Хотя меня радовало то, что больше не нужно было снимать шкуры с кроликов.

Когда школа, которая располагалась в приграничной зоне, участвовала в спортивных мероприятиях, наша команда никогда

не побеждала в матчах из-за небольшого количества учеников. Но я кричала до хрипоты, болея за них во время соревнований по волейболу, баскетболу и гандболу.

Кроме этого, в то время проводилось ещё много других конкурсов, где не требовалось групповое участие, таких как игра на инструментах или пение. Я обучала школьников пению, игре на баяне и аккордеоне, но прежде всего я учила их побеждать. Я не хотела, чтобы на нашу школу смотрели свысока из-за её небольшого размера, и всегда повторяла ученикам: «Победите или умрите! Настраивайтесь только на первое место. Второе место — не пойдёт!» Это было незабываемое время.

Благодаря хорошим результатам и достижениям моих подопечных, я обрела известность. Тогда, как и сейчас, существовало множество премий и наград как для учеников, так и для преподавателей. Школа получила десять писем благодарности, адресованных мне. Это поспособствовало тому, что меня назначили на престижную должность в очень перспективной школе, где мне было поручено сделать так, чтобы учебному заведению присвоили редкое и такое желанное звание «образцового». Однако никто не учил меня, как добиться этой цели, и мне пришлось во всём разбираться самостоятельно, как и самостоятельно оформлять всю необходимую документацию. Этот процесс оказался необычайно сложным. Существовало множество критериев, которым необходимо было соответствовать, например, сколько учебников должны были пройти ученики, какие предметы должны преподаваться в школе, каков должен быть план школы и т. д.

О заявках школ на получение звания «образцовой» всегда сообщалось военным. И если они одобряли кандидатуру того или иного учебного заведения, информация передавалась в государственный аппарат соответствующей провинции, где её рассматривали местные чиновники. После утверждения местными властями заявки отправлялись в органы центрального прави-

тельства. А после этого их рассматривал Центральный Комитет Компартии, состоящий из трёхсот членов. Таким образом, когда школе присваивалось звание «образцовой», это означало, что в ней обучались лучшие ученики страны, которые достигли успехов в физических и учебных дисциплинах, а также были отлично подготовлены в вопросах нравственности. В результате такой статус приносил пользу как ученикам, так и учителям, но более всего выгоды от этого получал директор.

А вот молоденькой учительнице, которая выполнила всю «чёрную» работу, позволяющую школе добиться звания «образцовой», а её директору получить выгоду, ничего не полагалось. Хотя это не совсем так. Я обрела активное (хотя и совершенно нежелательное) внимание 42-летнего директора, который постоянно повторял, что он только что развёлся с женой и хочет жить со мной. Он обещал, что, если я проведу с ним ночь, он исполнит мою заветную мечту: поспособствует вступлению в коммунистическую партию.

Тогда мне было двадцать пять. Я очень хотела стать членом партии, чтобы добиться должного уважения. Однако руководство школы препятствовало моему вступлению, потому что знало, что, как только мне это удастся, я выйду замуж и моя преподавательская карьера на этом закончится. Поэтому они тянули время до тех пор, пока директор не сделал мне столь непристойное предложение.

Я, конечно же, отвергла его ухаживания, но пребывала в смятении. В соответствии с социальными нормами Северной Кореи, я не могла рассказать маме и отцу о притязаниях своего руководителя, поэтому отказалась от мечты когда-либо вступить в партию и заявила им, что хочу выйти замуж и чем скорее, тем лучше. Родители были ошеломлены больше, чем когда я заявила, что собираюсь стать десантницей. «Что с тобой случилось? — удивлялись они. — Раньше, когда мы упоминали о замужестве, это всегда приводило тебя в ярость!»

Итак, я вышла замуж за г-на Бэ. Мы отправились в свадебное путешествие, и позже я родила двоих детей. Я была столь же счастлива, как и когда жила в родительском доме. Однако несмотря на то, что до этого я была очень успешна, умна и энергична, всё, что у меня осталось после рождения детей, — это постоянные болезни. Мама, отец, братья и сёстры жалели меня. Они задавались вопросом, почему я болею, и думали, что это могло быть вызвано каким-либо неизвестным грехом, совершённым родителями или даже нашими предками. Всё моё тело ныло от боли, но у моей болезни не было конкретного названия.

Муж часто говорил: «Когда тебе трудно, молись, сложа руки вместе». При этом он даже не упоминал слово «Господь» или «Бог» и не объяснял, что значит молиться и как это делать. Он лишь советовал признаться в том, что я сделала не так. Честно говоря, сначала я считала его совет смешным и думала, что он говорит ерунду. Я постоянно болела, а он всё время убеждал меня молиться, сложа руки вместе. Когда же я наконец решила последовать его совету, то получила исцеление. Однако оно пришло не навсегда. Со временем я снова заболела (и часто ещё болею), но с тех пор к молитве я никогда больше не относилась несерьёзно.

Иногда, после того первого исцеления, я выходила на улицу лунной ночью и молилась, сложа руки вместе. «Почему я болею? — спрашивала я, обращаясь к неизвестной мне Личности. — Я изо всех сил стараюсь быть хорошим человеком. Почему же я опять болею? Ты можешь исцелить меня?» Иногда после такой молитвы я чувствовала себя лучше.

Однажды муж сказал: «Не грехи». Я даже не знала, что такое «грех». Он объяснил мне, что ложь — это грех, презирать людей — это грех, воровство и прелюбодеяние — это грех. Но что такое прелюбодеяние, я тоже не знала. Он сказал, что ересь — это тоже грех. Но и это понятие мне было незнако-

мо. Я спросила его, что это значит, и он ответил, что это, как шпионаж. Тогда я много чего не знала.

Даже до того, как произнести свою первую молитву, я жила честно. Мне казалось, что небеса следят за мной, потому я не могла держать зла на кого-либо или проклинать. Мне было интересно, если бы я злилась и проклинала людей, это считалось бы грехом?

Были времена, когда я что-то покупала и мне давали сдачу больше положенного. В таких случаях я всегда возвращала лишнее. Среди северокорейцев это считалось редкостной глупостью. Но я не могла заставить себя поступить иначе. Мой муж всегда учил меня не совершать плохих поступков, но я бы не смогла сделать это, даже если бы захотела.

Вам может показаться необычным, что муж и жена могут спать вместе, рожать и воспитывать детей, молиться и при этом не вести серьёзных разговоров, во время которых жена могла бы спросить: «Что ты имеешь в виду? Я не понимаю и половины того, что ты сказал». Но важно знать, что Северная Корея отличается от остального мира и в плане семейной жизни. Мужьям и жёнам приходится быть предельно осторожными даже в разговорах друг с другом. Пройдёт много лет, прежде чем они станут доверять друг другу настолько, чтобы беседовать на такие глубокие темы, как вера.

Меня часто спрашивали, как я могла продолжать помогать мужу и уважать его, учитывая все те странности, которые он мне говорил. Но я была хорошо воспитана. Я никогда не придиралась к нему, даже из-за его друзей. Иногда мы пили воду из одной чашки и ели рис из одной миски, чтобы гостям досталось больше еды. Мне всегда нравилось угостить гостей и ещё дать им что-нибудь с собой, когда они шли домой. Поэтому друзья мужа относились ко мне очень хорошо.

Однако в Северной Корее нужно быть предельно осторожным даже в общении с друзьями, которых знаешь давно. Нет

лучшей иллюстрации сказанному, чем история о том, как мужа арестовали и отправили в тюрьму лишь из-за фразы, которую он сказал другу, нуждающемуся в совете. Этот человек спросил, каким образом нам удаётся жить так счастливо? Его отношения с женой были крайне натянуты. Похоже, по молодости у него были отношения на стороне, и теперь по мере того, как он становился старше, жена плохо относилась к нему, и он хотел узнать, как жить не конфликтуя. Мой муж ответил: «Мы живём без конфликтов, потому что с нами Бог», и объяснил ему суть Десяти заповедей. Этого в Северной Корее достаточно, чтобы обречь себя на сидение на холодном полу тюрьмы в течение года без предъявления официального обвинения.

Я думаю, что причина, по которой Бог допустил арест мужа в тот момент, заключается в том, что Он хотел научить меня молиться. Муж пробыл в тюрьме больше года, но никто из его семьи не пошёл в государственный департамент политической безопасности, чтобы увидеться с ним. Казалось, я была единственной, кто пытался хоть чем-то помочь ему.

Не понимая причину безразличия остальных родственников, я позвонила свекрови. Но она лишь вздохнула: «Никто из людей не может спасти его. Человек здесь бессилён». Сестра мужа ответила то же самое. Их слова натолкнули меня на мысль о молитве. Я сказала ей: «Тогда нам следует молиться!»

Было удивительно, что я вообще смогла молиться. Я не знала ни порядка, ни правил молитвы и не была обученной и подготовленной верующей. Но сейчас я понимаю, что суть молитвы не в том, чтобы просить у Бога чего-то. Я думаю, что молитва подобна страстному желанию, исходящему прямо из сердца, чтобы Бог вывел тебя из плачевного состояния. Помню, как тогда я не могла спать по ночам в ужасе, что мужа убьют в тюрьме, и только то и делала, что думала, как его спасти. Я не знала, как молиться, поэтому просто повторяла: «Если ты

существуешь, Боже, пожалуйста, помоги нам. Пожалуйста, защити его. Пожалуйста, сделай так, чтобы он вернулся домой».

Муж пробыл в заключении более года, однако ему так и не предъявили обвинение. Хотя даже это не помешало приговорить его к расстрелу. Всё же в итоге его освободили!

После освобождения мужа к нам приехала свекровь. Теперь, когда муж носил клеймо бывшего заключённого, нам было намного сложнее получить разрешение властей на её посещения, которые могли даже вызвать подозрения. Поэтому я очень радовалась, что она смогла приехать. Мне надо было о многом поговорить с ней, получить ответы на множество интересных меня вопросов.

Я рассказала свекрови о том, как непрерывно молилась после ареста мужа. И что, по моему мнению, его освободили благодаря этой молитве. Муж и его мать посмеялись над моими словами, потому что тогда я мало понимала в делах веры. Но я всё ещё считаю, что муж жив и свободен, потому что я так много молилась за него. А Бог услышал мои молитвы и сжалился надо мной. Но моим словам поверила сестра мужа. А постепенно и сам муж. И тогда мы решили начать благовествовать.

Свекровь хотела, чтобы я поскорее узнала как можно больше о христианстве, поэтому приехала к нам, хотя мы жили далеко друг от друга. «В начале сотворил Бог небо и землю...» Несмотря на то, что мне нездоровилось и я постоянно чувствовала себя уставшей, я до сих пор помню то, что узнала тогда от свекрови. Я так жаждала духовных знаний, что меня совсем не клонило ко сну при том, что мы не ложились спать до трёх часов утра.

Уезжая, свекровь дала мне тридцать тысяч вон. Тридцать тысяч вон — это не большие деньги, но она не могла уйти, не оставив мне ничего. Затем она дала нечто гораздо более ценное. Она сказала: «Я верю в тебя и скоро приеду снова».

Её слова много значили для меня, особенно в контексте жизни в Северной Корее.

Свекровь не могла ввозить в Северную Корею христианские книги, а также перевозить их по территории страны, поэтому ей приходилось заучивать наизусть гимны и евангельские песни, которые она слышала, когда посещала корейско-китайскую церковь на северо-востоке Китая. Но она привезла мне небольшую брошюру под названием «Пособие для новообращённого». На обложке было нарисовано дерево гинкго. Под ним на камне сидел Иисус, а рядом с Ним — двенадцать учеников. Мать мужа спрятала брошюру в нижнем белье и провезла контрабандой в Северную Корею, чтобы передать мне.

Свекровь научила меня петь гимны и евангельские песни. Кроме того, она рассказала, как каяться и молиться. Бывало, что она ездила в Китай, а после возвращения обязательно навещала нас. Иногда у неё не было возможности приехать сразу. Но каждый раз, когда она разучивала несколько новых гимнов или песен, то всё равно вырывалась к нам, чтобы научить им и наставить меня. Она была просто замечательной женщиной!

Когда свекровь только начала объяснять мне Евангелие, я не думаю, что моя вера была искренней. Однако я почувствовала, что нахожусь под чьей-то защитой. Моя жизнь была нелёгкой, но я всегда ощущала, что есть кто-то, на кого я могу положиться. Когда же арестовали мужа, я потеряла опору. Всю жизнь я думала, что добилась всего благодаря своему уму, таланту и лидерским качествам. Но такие мысли приходили ко мне, потому что я не знала Бога. Ведь образование, которое я имела, базировалось на идеях и принципах чучхе. Когда я услышала Евангелие, то поняла, что всё, чего я достигла и имела в жизни, было даровано мне Богом. Без Него у меня не было бы ничего, и всё, чего я добилась, я добилась благодаря Ему.

Точно так же и с мужем. Даже после выхода из тюрьмы в течение года он буквально ничего не мог делать. В заключении он всё время сидел и не ходил.

Однажды мне нужно было сделать операцию. Идя в операционную, я была уверена, что не умру. Не могу объяснить почему, но во мне жила твёрдая уверенность. Муж сказал, что тогда он усердно молился за меня. Я ответила: «Я тоже много молилась об успешном исходе операции. Я говорила в молитве, что, если Бог есть, Он не позволит мне умереть». На что муж рассмеялся. Думаю, это и были мои первые шаги к вере.

Как-то я навестила брата свекрови. Его сын был преподавателем института. У него я увидела книгу. Это было толстое издание, похожее на энциклопедию, и в нём — много информации о Боге. Между изложенным в нём, и тем, что я узнала от свекрови, было очень мало разницы. Книга поведала мне об Адаме и Хаве, это имя Евы по-корейски. Но в издании использовался другой вариант её имени — Ева. Там была всевозможная информация о мировой политике, Северной и Южной Корее, общие знания, например, какая река самая длинная или самая короткая на земле, какая гора самая высокая, ежемесячное количество осадков, имена президентов и их происхождение. В ней также рассказывалось о сотворении Богом неба и земли и о Десяти заповедях.

Благодаря наставничеству свекрови и книгам, подобным этой, я начала понимать то, что касалось веры, гораздо более ясно. Будучи уже новообращённой, я читала книги и использовала все свои способности, чтобы запоминать и получать самообразование, чтобы впитать как можно больше информации. Постепенно я стала разбираться в вопросах веры. Я так много читала, что муж подумал, что я могу сойти с ума.

И хотя свекровь не могла часто навещать нас, чтобы обучать меня, я стала понимать, что всё нравственное образование в Северной Корее на самом деле основывалось на Библии.

Правительство просто скопировало и исказило то, чему учило Слово Божье.

С тех пор моя семья возвела стену между собой и миром. Мы не посещали обязательные мероприятия по случаю дня рождения Ким Ир Сена, когда все северокорейцы возлагают цветы к подножию его монумента. Мы пели христианские гимны вместо светских. Конечно, мы не могли допустить, чтобы кто-то услышал наше пение, поэтому мы пели тихо, в широком поле, при условии, что поблизости не было ни души. Каждый вечер мы запирали дверь и заучивали наизусть молитву «Отче наш» и Апостольский символ веры. Во всех сферах нашей семейной жизни мы следовали не учению Ким Ир Сена, а Десяти заповедям Божиим. Мы не знали, как выглядит церковь и богослужение в ней. Но каждое воскресенье мы собирались и заучивали стихи из Библии, пели гимны, молились вместе молитвой Господней и каялись в грехах согласно Десяти заповедям. Если в пособии для новообращённых мне встречалось что-либо, чего не понимала, я спрашивала мужа. Он не знал всех ответов, но всегда старался вспомнить то, что в детстве слышал от бабушки и дедушки. Сам он был свидетелем множества событий, поэтому старался рассказать мне истории из его христианской жизни в увлекательной для меня манере.

Мы всегда исповедовались, когда делали что-то не так. Свекровь научила меня молиться: молитвой покаяния, молитвой благодарения, а также перед едой. В пособии для новообращённых тоже имелась достаточно простая, ясная и подробная информация о том, как молиться. Со временем всё это знание становилось нашим образом жизни. Каждое воскресенье мы практиковали изученное. Не зная, как завершать поклонение, мы просто вместе молились молитвой «Отче наш» и пели несколько гимнов. Один из нас вёл прославление, а остальные члены семьи следовали за ним.

Когда приезжала свекровь, мы молились перед едой: «Боже, благодарим Тебя за то, что Ты даёшь нам хлеб насущный. Господи, пожалуйста, наставь нас, чтобы мы не грешили». Мы также учили молиться наших детей. Кроме этого, я наставляла детей приносить пред Богом всё, что было у них на уме и на сердце. Мы с мужем молились так и иногда проводили в таких молитвах ночи напролёт. Я не уверена, было ли это следствием наших усиленных молитв или нет, но наша жизнь протекала стабильно по сравнению с жизнями других людей.

Вдобавок я бы хотела рассказать, как мы платили десятину. В Северной Корее нет церквей. Нет и пастора, которому мы могли бы отдавать десятину и пожертвования. А свекровь всегда подчёркивала их важность. Поэтому, хотя мы не знали, как приносить десятину, мы всё же нашли способ давать её на помощь нуждающимся.

Когда кто-то из малоимущих не мог заплатить за лекарства или лечение, мы заботились о них. Мы давали им лекарства, даже если нам самим не хватало на жизнь. Мы покупали рис для голодных и позволяли им расплатиться с нами позже. Мы делились одеждой с нуждающимися. Когда мы покупали продукты, то оставляли сдачу, если продавцами были пожилые люди или женщины с детьми. Когда они взвешивали овощи на весах, мы не перепроверяли их, а доверяли.

И всё это мы считали своей десятиной. Мы назвали это «евангелизацией», хотя даже не могли произнести это слово вслух. Когда мы навещали родственников, они были счастливы, если мы приносили с собой гостинцы. Мы не были богаты, но всегда старались принести что-нибудь, будь то лекарства или угощения.

Все формы идолопоклонства стали для нас чуждыми. Мать мужа не одобряла, когда христиане посещали шаманов и поклонялись умершим. Она говорила, что мы не должны этого делать, и мы следовали её указаниям.

Когда мы только начали благовествовать нашим братьям и сёстрам, они думали, что мы сошли с ума. Кто-то из них со временем уверовал, другие отказывались, утверждая, что всё это ложь. Однако, сравнивая свою жизнь с нашей, они постепенно осознавали, что мы были правы. Они понимали, что причиной того, что Северная Корея была такой бедной, как бы Ким Чен Ир ни пытался сделать её процветающей, было неверие. Вплоть до того момента, когда мы покинули страну, мы говорили им, что Бог существует, что Он выше Ким Чен Ира; мы говорили, что не надо поклоняться людям, но в трудные времена необходимо полагаться на Бога; что мы не должны грешить, а обязаны благодарить Его за еду и одежду, заботиться о ближних, и так далее. Мы не могли проповедовать Евангелие всем вокруг, а только близким родственникам.

Они часто присоединялись к нам в молитве за еду и даже не донесли на нас властям. А мы не позволяли им есть пищу, не произнеся молитву. Мы не могли свидетельствовать о своей вере посторонним, но наши родные поняли, что поклонение Ким Ир Сену и Ким Чен Иру является идолопоклонством. Мы объяснили: «Никаких других богов в нашем присутствии. Мы повинuemся только одному единому Богу. Только один Бог — Святой Бог. Не надо слушать других». Таким образом мы благовествовали им, хотя и сами не знали, как это делается.

Наконец из-за мужа нашей семье пришлось бежать из Северной Кореи. Он находился под надзором Департамента государственной безопасности. Нас было бы легко поймать, потому что мы всегда были под пристальным наблюдением. Религиозных преступников обычно ловили и отправляли в концлагерь. Также мы беспокоились о своих детях. Поскольку дома мы наставляли их в христианской вере, мы переживали, что за его пределами они могут сделать или сказать что-либо, что выдаст в них последователей Христа, но ведь на самом деле они не были

преступниками. Поэтому ради будущего наших детей мы всё же решились на побег из Северной Кореи.

Думать о побеге было нелегко. Северная Корея — земля наших братьев и сестёр, матерей, отцов, бабушек и дедушек. Но что касается верности семье и родине, Господь дал мне то, что мои земные родители никогда не могли мне дать. Они отдавали мне все силы и любовь, на которые только были способны, и никогда ничего не жалели для своих детей. Но теперь я жила с сердцем, исполненным благодарности Господу, Который всегда с нами, всегда наблюдает за нами и всегда ведёт нас.

Я взглянула на зловещие горы, которые мало кто осмеливался пересечь, где вскоре будут ступать мои ноги и ноги моих детей. Мы собирались пойти по пути, по которому прошёл мой муж несколько месяцев назад, когда он навсегда покинул страну, где мы родились. И в тот момент я обратилась к отрывку из Священного Писания, который я тщательно хранила в сердце, к стиху из Книги пророка Исаии 41:10: *«...не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей».*

Ни один родитель на земле не может ни дать, ни исполнить столь невероятное обещание.

ГЛАВА 5

Семья — Эммануил

Г-жа Бэ

В конце ноября 2009 года мы с дочерью и сыном покинули наш дом в Северной Корее, чтобы больше никогда туда не вернуться. Мы направились прямо в горы, а точнее, по горам. У нас не было необходимого разрешения на передвижение, которое позволило бы открыто проезжать через северокорейские города или выехать в Китай на законных основаниях. Каждый, кто планирует совершить переезд из одной точки страны в другую, обязан иметь проездной документ — своего рода внутренний паспорт с официальной печатью. Для его получения может потребоваться несколько месяцев, а также сто долларов на человека или ещё больше. Почти наверняка такой документ не выдали бы жене и детям человека, недавно бежавшего из страны. Поэтому у нас оставался только один путь — через горы, и мы отправились именно туда.

Чтобы найти лучший маршрут и подготовить нас к его прохождению, муж ушёл за несколько месяцев до того, как это сделали мы. Во время побега в тех немногих местах, где был хороший сигнал и безопасная обстановка, он руководил нашим походом, как мог, посредством коротких звонков по мобильному телефону. Конечно, было трудно пробираться через незнакомые горы, города и контрольно-пропускные пункты, полагаясь только на инструкции, наспех переданные по телефону. Однако сам Бог был нашим проводником.

В течение дня мы шли не останавливаясь, и так каждый день. Однажды в одном из городов, где дело с блюстителями правопорядка обстояло не так строго, нам удалось договориться с водителем машины, который отвёз нас на несколько часов пути, и нам не пришлось предъявлять разрешений на передвижение. В деревне у подножия горного хребта мы пришли в дом и сказали, что направляемся в город, расположенный недалеко от границы, чтобы навестить мою свекровь, и что потеряли свои разрешения. Жители любезно направили нас на вокзал. Как это принято в Северной Корее, нам пришлось ждать поезда десять дней, но даже на нём мы не смогли уехать далеко.

Однако это были приятные исключения. Большую часть времени мы просто шли — точнее, взбирались по горам, поскольку 70 процентов территории Северной Кореи покрыто горами, которые стоят, как часовые, охраняя несколько районов, оставленных без внимания северокорейских пограничников, полиции и сотрудников службы безопасности.

Оглядываясь назад, я считаю невероятным, что мы выжили. Я до сих пор задаюсь вопросом, как нам это удалось? Леса в горах, по которым мы пробирались, были настолько дремучими, что часто мы даже не видели небо у себя над головами. Столько раз мы медленно и мучительно продвигались вперёд по холодным сугробам, утопая в снегу по грудь. У нас не было выбора, кроме как преодолеть этот путь.

Поскольку мужа с нами не было, мы не имели никого, к кому мы с детьми могли обратиться за помощью, когда у нас возникали трудности — кроме Бога. И я верю, что Бог шёл рядом со мной в те бесконечные дни таким же реальным образом, как и мои дети, ступавшие рядом. В Библии пророк Исаия воскликнул: «Эммануил» — с нами Бог! И Бог был с нами, Он шёл рядом, не узнанный нами, как тогда, когда Христос встретился с учениками по дороге в Эммаус.

Только наш пункт назначения лежал намного дальше, чем Эммаус, и, чтобы дойти до него, необходимо было приложить больше усилий. Когда солнце садилось, мы отправлялись в ближайшую деревню и за соответствующую плату ночевали в доме, который казался нам наиболее безопасным. Я просила хозяина каждого дома о помощи, рассказывая, что моя свекровь живёт на границе и что по пути к её дому мы заблудились — что на самом деле было правдой. В каждой такой деревне Бог усматривал для нас человека или семью, которые пускали нас переночевать примерно за один доллар — обычное чудо гостеприимства, которое свершалось ежедневно, если учесть, насколько опасно в Северной Корее принимать в дом незнакомцев.

Ни одна семья не могла похвастаться достатком, а доллара хватало на килограмм риса — достаточное количество, чтобы кормить семью в течение дня. Хозяева угощали и нас, иногда нам давали даже больше еды, чем мы могли съесть. Невзирая на то, что мы, северокаорейцы, были очень близки к тому, чтобы умереть от голода, большинство по-прежнему цеплялись за то человеческое, что осталось в нас, пытаясь оказывать заботу, проявлять гостеприимство, стремясь следовать обычаям и традициям, которым мы были научены с юности.

Как хорошо, что каждая семья была такой гостеприимной, потому что мы очень нуждались в пище! В то время моя дочь была беременна. И как это часто бывает с беженцами, она вынуждена была бросить мужа, иначе ему пришлось бы вести за собой всю свою семью. У меня всегда были проблемы со здоровьем. А сыновья в Северной Корее ничем не отличаются от сыновей где бы то ни было — им всегда хочется есть.

Каждый рассвет приносил прощание с хозяевами, приютившими нас, затем следовал новый изнурительный день, который мы проводили, преодолевая большие расстояния, пробираясь по

горам и прячась от людей. На восьмой день мы миновали тринадцать постов правоохранительных органов — по мере того, как мы приближались к границе, их число увеличивалось, а бдительность усиливалась. Всё, что у нас было с собой, — это несколько смен одежды и самое необходимое, из-за чего мы выглядели весьма подозрительно. Когда нас спрашивали, куда мы направляемся, мы говорили, что идём навестить родителей моего мужа, живущих недалеко от границы. Несмотря на количество постов, мимо которых мы прошли, нас не заметили и не потребовали у нас документов. *Эммануил!*

В течение дня я часто останавливалась, чтобы спросить дорогу, и каким-то образом Бог всегда устраивал так, что мы встречали именно тех, кто направлялся туда же. Однако самая большая проблема заключалась в том, что чем ближе мы подходили к границе, тем меньше у нас оставалось сил, и мы быстрее уставали. Каждый раз, когда в поле зрения появлялся очередной пост, нам приходилось вести себя, как будто мы люди, отправившиеся в приятную поездку, чтобы навестить родственников — как те, которые, если потребуется, с радостью предъявят разрешения на перемещение по территории страны; а не как изнурённые бродяги, у которых всё болит от бесконечных подъёмов в гору по снегу высотой по грудь. Километр за километром мы выматывались всё больше и прятались от правоохранительных органов. Наши взоры были устремлены в сторону границы, а сердца — преисполнены решимости бежать из страны.

И Бог всегда посылал кого-нибудь, чтобы взбодрить нас и дать ощутить Его заботу, когда мы думали, что всё уже потеряно. Благодаря Его милости в этом трудном путешествии нам даже удавалось засвидетельствовать о Его любви. Однажды мы остановились у женщины средних лет, которая страдала от сильнейшей боли из-за заболевания желудка. У меня с собой были лекарства от моих хронических болезней, которые

отпускались только по рецепту, и я поделилась ими с ней. Её состояние сразу же начало улучшаться. Я предложила отдать ей все свои лекарства и сумму, эквивалентную примерно трём долларам, если она будет нас сопровождать и поможет нам, на что она согласилась и оставалась с нами в течение двух дней. Путешествие с незнакомцами и без должного разрешения в Северной Корее было, конечно, довольно рискованным для неё, поэтому сопровождение было огромной жертвой, особенно если учитывать состояние её здоровья. Я дала ей номер телефона моей сестры и попросила позвонить, если она снова заболеет. Возможно, мы спасались бегством, но мы всё же оставались христианами.

Наш сон в доме той женщины был сладким и глубоким. Оглядываясь назад, я вижу, как невидимая рука Бога нежно обнимала каждого из нас. Он знал, что женщине нужны лекарства, поэтому устроил так, чтобы мы пришли и остановились именно у неё, поскольку больше нам негде было переночевать. Моя дочь, которая в то время была беременна, нуждалась в отдыхе и сне, поэтому Бог усмотрел эту встречу. И мне, может быть, больше, чем кому бы то ни было, нужен был отдых, чтобы прояснить мысли для решения предстоящих проблем: чем ближе мы подходили к границе, тем больше менялся диалект и тем сложнее — и рискованнее — было просить о помощи. Везде нас поджидали доносчики и сотрудники правоохранительных служб.

В том регионе в качестве общественного транспорта использовались грузовики, а не автобусы. К сожалению, не имея разрешения на поездку, женщина не могла сопровождать нас дальше. Мы снова остались одни, не зная местности, и по мере того, как мы удалялись от дома, наша речь всё больше выдавала в нас приезжих.

На первом контрольно-пропускном пункте к нашему грузовику подошёл постовой, чтобы осмотреть его. Мы все затаили

дыхание и пытались не выдавать напряжения. К огромному удивлению и облегчению, он махнул рукой после всего лишь беглого осмотра, и грузовик тронулся с места. Когда же мы остановились у второго поста, на котором несли службу сотрудники госбезопасности — они начали выгружать все вещи и внимательно их осматривать. Наши сердца забились в ужасе. Мне было трудно сдержать волнение, что, должно быть, стало очевидно, потому что наша пожилая спутница попыталась утешить меня, шепнув, что, если ни у кого нет меди, то всё будет в порядке. Медь очень ценится в Китае, как и вольфрам. Это одна из причин, по которой правительство Северной Кореи так тщательно проверяет грузовики и пассажиров, чтобы убедиться, что никто не пытается вывезти эти полезные металлы из страны. К счастью, ни у кого из пассажиров грузовика их не оказалось, и нас пропустили.

Наконец мы прибыли в деревню, расположенную недалеко от границы, где жила моя свекровь. Именно она привела меня к Господу и всячески проявляла заботу, когда приезжала к нам погостить. Она многому учила нас долгими ночами за кухонным столом.

Вы можете подумать, что, наконец, наступил долгожданный миг нашего путешествия, когда двери её дома широко распахнулись, и мы смогли насладиться радостью воссоединения, слезами благодарности и молитвой — или, по крайней мере, тёплой постелью и сытным ужином за семейным столом. Если вы так подумали, то вы, наверное, забыли, в какой стране мы находились и что произошло не столь давно: мой муж бежал из Северной Кореи и считался врагом народа. Теперь за домом его родителей велась круглосуточная слежка. Земля вокруг города промёрзла насквозь. И даже сама атмосфера дома была леденящей. Все вели себя очень сдержанно — мы, кто вместе пролил столько слёз, усвоил столько уроков и провёл так много времени в совместных

молитвах, могли вести только светские разговоры, зная, что кто-то, несомненно, внимательно следит за нами и слушает, о чём мы разговариваем.

К тому же наша встреча могла длиться не дольше часа. Мне было грустно расставаться, грустно из-за того, что я не могла насладиться общением на духовные темы, грустно было отправиться в такой опасный путь без её последнего в нашей жизни напутствия, молитвы и ободрения. Тем не менее я хорошо понимала, почему мы не можем остаться дольше и разговаривать на более глубокие темы. В тот момент не было времени на слёзы и эмоции, которые могли вызвать подозрения. Иногда достаточно просто посмотреть человеку в глаза — и всё становится понятным без слов.

Так, отчаянно пытаюсь найти место, где можно было бы согреться, мы с детьми оказались на вокзале. Но даже наше пребывание там дольше часа вызвало бы подозрения, и нас стали бы проверять. Поэтому у меня не оставалось выбора, кроме как увести детей обратно в объятия стужи. И сделать это нужно было с беспечным видом в то время, как в голове роились тысячи мыслей о том, где бы нам заночевать.

Однако мне не нужно было беспокоиться, поскольку Бог был с нами и в очередной раз готов был позаботиться о нас. Мы встретили женщину, которая проявила к нам сочувствие и посоветовала, где остановиться. Это был дом человека, на стене которого висел огромный портрет Ким Ир Сена. Конечно, было немного необычно совершать побег из страны под присмотром недремлющего ока Великого вождя, о котором я так долго учила своих учеников.

Оказалось, что жена хозяина дома бежала в Южную Корею. Он уверял, что у них не было проблем в браке; она просто ушла, чтобы заработать деньги. Поэтому он не стал повторно жениться, а ждал её возвращения или же хотя бы весточки от неё. Поскольку он жил один и нуждался в деньгах, то пускал

людей на ночлег. Он накормил нас скудной похлёбкой, потому что у него не было риса, что меня не очень обрадовало, поскольку я дала ему достаточно денег, чтобы купить немного еды. За ужином он сказал, что хочет остаться в Северной Корее и продолжать жить хорошей жизнью.

Однако моё представление о хорошей жизни явно отличалось от его и, конечно же, не включало иконоподобные портреты Ким Ир Сена, висящие на стене. Несмотря на то, что мужчина предложил нам остаться подольше, мы знали, что пришло время продолжить путь, чтобы не привлечь к себе внимания.

Помимо того, что мы столкнулись с неизбежной трудностью резкого сокращения возможностей ночлега, у нас была ещё одна проблема: непрестанно уменьшающаяся стопка денег в кармане. Хотя мы уже достигли границы, у нас совсем не осталось средств, которые понадобились бы, чтобы перейти реку и добраться до Китая. У нас не было денег, которые понадобились бы, чтобы пересечь эту огромную страну, а потом границу Китая и оказаться в третьей стране, где наконец можно было обратиться в южнокорейское посольство, готовое принять нас и отправить в Южную Корею. (Посольство Южной Кореи в Китае не принимает северокорейцев, опасаясь конфликтов с властями страны.)

Ситуацию усугублял ещё тот факт, что цены на товары в приграничных районах были невероятно высокими. Рис, за который дома мы заплатили бы две тысячи северокорейских вон, здесь стоил триста тысяч вон — больше ста долларов США! Мы обменяли то небольшое количество денег, которое у нас было, на китайские юани и вшили их в одежду моего сына.

Мы с дочерью были вынуждены начать лечить больных за плату и брали чуть меньше доллара с пациента, чего не только не хватило бы для пересечения границы, но даже на оплату еды и ночлега, чтобы выжить. Я поняла, что нам придётся перейти реку, не имея возможности заплатить за проводника,

который мог бы обеспечить хоть какую-то помощь и защиту. Это был, по-видимому, один из тех отчаянных побегов из Северной Кореи, который часто приводил к перехвату и казни беженцев.

Несколько дней мы гуляли по берегу реки в поисках наиболее подходящего места для перехода. Проблема заключалась в том, что лучшие места — места с наименьшим присутствием полиции — по определению были также и самыми опасными, поскольку роль пограничной охраны выполняли естественные, часто труднопреодолимые препятствия.

Наконец мы выбрали место для перехода, хотя этот выбор вызывал у меня огромные опасения из-за беременности дочери. Чтобы перейти реку, нам нужно было сначала спуститься со скалы высотой около трёх с половиной метров. Дочь, видя мою тревогу за неё, просила меня довериться Богу. Её увещание мне стало намного легче принять, когда мы нашли поблизости верёвку, которая, как я знала, была послана нам Богом. Сын прыгнул в воду. Я — вслед за ним. Дочь несколько не колебалась, карабкаясь вниз по склону без тени страха и, как только достигла подножия, поплыла с бешеной скоростью за нами.

Ширина реки в том месте составляла около 150 метров, и у нас не было другого выхода, кроме как броситься в неё и плыть быстро, как мы только могли, невзирая на пронизывающий холод и вред, который он мог причинить моей беременной дочери. Последними голосами, которые я слышала в Северной Корее, были крики горожан: «Держите их! Держите их!» Возможно, Бог не совсем раздвинул перед нами воды реки, но Он удерживал тех, кто пытался причинить нам зло, до тех пор, пока мы благополучно добрались до противоположного берега. И этого было достаточно. Это был настоящий исход из Египта.

Как можно забыть тот первый взгляд на землю за пределами Северной Кореи?! Нас встретило сияние рождественских огней.

Рождество — я почти забыла! Рождение Эммануила! С нами Бог! *Воистину, Бог — с нами!*

Но времени, чтобы остановиться, поразмышлять или хотя бы поблагодарить Его, совершенно не было, поскольку по обе стороны реки курсировали пограничники. И всё же невозможно было не поразиться контрасту между множеством огней на китайской стороне и непроглядной чернотой северокорейской ночи. На том берегу реки жители понятия не имели, что сейчас Рождество, и тем более ничего не знали о Боге, Которым является наш Эммануил!

Оказавшись в Китае, мы перевели дух и связались с человеком, контакты которого дал мне муж. Он привёл нас в дом, и хозяин предложил нам чистую одежду, велел повиноваться всё содержимое карманов. Причина заключалась в том, что, если бы нас задержали с хотя бы крошечным клочком бумаги со словами на корейском языке, нас сразу же разоблачили бы как беженцев, незаконно пересёкших границу и пытающихся бежать в третью страну через Китай. Вот почему нам также нужна была новая одежда — чтобы больше походить на китайских корейцев, а не на северокорейских беженцев. Что же касается нас, то никаких объяснений не требовалось. Мы были просто счастливы оказаться в тёплом доме в Китае в чистой и сухой одежде. У нас оставалось шестьдесят центов, которые мы отдали хозяину и человеку, с которым связал нас муж. Однако им неизвестно было о деньгах, вшитых в одежду сына.

Прежде чем мы смогли отправиться в город, нас должны были тщательно проверить проводники, которые помогали нам и другим северокорейским беженцам пересечь Китай. Им следовало убедиться, что во время путешествия мы не вызовем подозрений и не привлечём к себе внимание полиции.

Но у нас был иной план: наёмная полицейская машина! Муж договорился, что через пять дней она приедет и заберёт нас.

Он знал, что обычные автомобили останавливают и обыскивают на каждом шагу, потому что их используют для перевозки северокорейских беженцев. А полицейская машина? Никто не догадается, что ею также можно воспользоваться для какой-либо иной цели, кроме как для доставки пойманных беженцев обратно к границе Северной Кореи. Благодаря Божьей мудрости наш план сработал идеально.

Даже хозяин дома, сам не будучи верующим, заверил нас, что нам поможет Бог. Когда наконец за нами приехала полицейская машина, хозяева посоветовали разыграть спящих, когда мы будем подъезжать к блокпосту. В пути меня серьёзно укачало, и я чуть не потеряла сознание, поэтому мне вообще не пришлось притворяться. Нас пропустили.

В первом городе, куда мы въехали, мы остановились у пожилой женщины. Когда мы заселились, я больше не могла сдерживаться и выпалила просьбу, которая жгла моё сердце с тех пор, как я услышала от свекрови о больших группах христиан, которые собирались вместе, чтобы петь, молиться и поклоняться среди бела дня — ни много ни мало, в специально отведённых для этого зданиях. Я спросила: «А можно мне пойти в церковь?»

На северо-востоке Китая есть несколько очень больших корейско-китайских церквей, количество прихожан которых исчисляется тысячами. Такие места хорошо известны северокорейским беженцам, которым говорят, что, если они пойдут в здание с крестом, там им предоставят помощь. Проблема в том, как мне объяснила хозяйка, что многих северокорейских беженцев ловят прямо в церкви, поскольку власти знают, что северокорейцы обращаются за помощью именно туда.

Но для меня игра стоила свеч. Я так долго ждала, чтобы побыть с Божьей семьёй в доме Божьем! Я с трудом могла себе представить, как выглядит «церковь», но, как оказалось, я знала больше, чем думала. Я имею в виду, что происходящее

в церкви выглядело точно так же, как то, что происходило в Северной Корее, когда в город приезжал Ким Ир Сен или Ким Чен Ир. Все собирались вместе и возносили хвалу и молитвы. В Северной Корее, однако, «бог» — это человек, предстоящий перед собранием (или изображённый на портрете, к которому обращаются участники обязательных еженедельных собраний самокритики).

Но в церкви впереди никого не было. И в отличие от того, что я чувствовала во время посещения собраний самокритики, здесь я ощутила мир, радость, утешение и Божью святость. Проповедь в тот вечер называлась «В конце света придёт боль», которая была актуальна для меня, ведь мы находились в процессе побега. Церковь оказалась очень большой, в ней собралось огромное количество людей. Повсюду мерцали огни. Присутствующие пели гимны. Песни хвалы были такими громкими и звучали так вдохновенно! Я следила за тем, что делали остальные, пребывая в священном трепете. Мне казалось, что я попала в рай.

Женщина, у которой мы остановились, была членом этой церкви. Китайцы корейского происхождения не должны помогать северокорейцам — это очень серьёзное преступление. Китайское правительство предлагает награды корейским китайцам, которые сообщают о беженцах из Северной Кореи и оказывают содействие в их поимке. Повсюду были развешаны листовки, разъясняющие закон в отношении беженцев. Однако эта женщина позволила нам остаться гораздо дольше, чем на одну ночь. Посредник (наёмный проводник, помогающий беженцам из Северной Кореи перебраться через Китай в третью страну) начинал выполнять свою работу только тогда, когда к поездке будет готово как минимум десять северокорейцев. Но нас было только трое — мои дочь и сын, и я — и так в течение девятнадцати дней. Мало того что женщина-христианка не жаловалась на наше затянувшееся присутствие в её доме,

она и её семья не ложились спать допоздна, а показывали нам христианские фильмы. Однажды она даже повела нас с дочерью в церковь, чтобы нам сделали химическую завивку. Сейчас, когда я делюсь с вами этими воспоминаниями, мне хочется снова увидеться с ней. Я думаю о ней даже больше, чем о своих родителях.

Затем, на девятнадцатый день пребывания в доме этой женщины, по указанию мужа мы с детьми отправились на судне в другой китайский город, где собралось достаточное количество северокорейцев, и теперь мы могли нанять проводника и пересечь Китай. Когда мы приехали, группа уже отправлялась в путь. Женщина из Северной Кореи помогла нам с переводом. Нам сообщили, что нас обыщут. Когда мне приказали вынуть из кошелька все деньги, я так и сделала. Поскольку сумма была небольшой, мне велели положить деньги обратно.

После этого был проведён тщательный досмотр наших тел. Посредники прикасались к нам, утверждая, что проводят обыск, а мы просто молчали и не жаловались. Нас предупреждали, что женщины всегда должны оставаться вместе, поскольку проводники (которые редко бывают христианами или, что ещё хуже, бывают христианами только номинально) известны своим неподобающим поведением по отношению к беженкам. Это, конечно, заставило меня переживать за дочь. Тем не менее они были единственными людьми, которым мы вообще могли доверять, поэтому всё, что было в наших силах, это держаться вместе и молиться, чтобы нас благополучно переправили через границу.

Я отдала им все свои вещи, которые помещались в одном чемодане, оставив только нижнее бельё. Но они нашли домашние лекарственные средства, которые приготовила моя дочь. Бог дал ей дар исцеления. Когда муж занимался международной торговлей, он доставал для неё натуральные ингредиенты, и

она использовала их для изготовления лекарств. Досмотрщики забрали всё: рога буйвола, экстракт опия, иглы и другие инструменты для иглоукалывания. Для жителей Запада всё это относится к нетрадиционной медицине, но в Северной Корее от таких средств и инструментов может зависеть жизнь человека. Однажды во время нашего путешествия, прежде чем у нас забрали эти лекарственные средства, мы подружились с семьёй, в которой был мальчик. Дочь приготовила ему лекарство, потому что у него была проблема с ногами. Однако шаман сказал им, что если сын излечится, то его отец умрёт. Итак, мать решила не давать ему лекарства, и мальчик умер.

Но даже эти ингредиенты не имели большого значения без медицинской книги — на её составление у нас ушло три года, пока мы изучали традиции, переданные нам другими. Но и эту книгу у нас отобрали. К тому времени, когда мы прибыли в Южную Корею, единственное, что у меня осталось от прошлой жизни, — это часы, подаренные мужем, и немного одежды из дома. И хотя она была не так красива, от неё всё ещё исходил запах моего родного города.

К сожалению, путешествие по Китаю чуть не обернулось для нас возвращением в Северную Корею ещё до того, как мы отправились в путь. Когда мы сели в поезд, девочка, ехавшая с нами, начала плакать и кричать на северокорейском диалекте, что ей нужен хлеб. Язык был неопровержимым доказательством нашего происхождения, свидетельствующим об отступничестве. Взоры всех двадцати семи пассажиров в вагоне поезда мгновенно обратились на девочку. Сын попросил меня помолиться за неё. Я последовала его просьбе, и девочка уснула. В купе снова стало тихо. Но, проснувшись, она снова заплакала, как раз во время проверки билетов. Женщина спрятала девочку за спину и сказала кондуктору по-китайски, что ребёнок пока плохо говорит. Она дала ему немного денег, чтобы возместить причинённые неудобства, и, к счастью, опасность миновала.

В поезде мы заняли верхние полки. Через два дня нам наконец дали поесть. Возможно, нашему проводнику стало жаль нас, а может быть, он понял, что это будет дешевле, чем продолжать давать взятки кундуктору, если мы начнём жаловаться. Что же касается меня, даже когда приносили еду, я не могла есть из-за того, что, как это всегда бывает со мной, меня сильно укачивало в дороге. Так что меня пересадили с поезда в грузовик с мужчинами. Когда я очутилась на воздухе, мне стало гораздо лучше. После всех усилий, которые потребовались, чтобы пересечь всю Северную Корею пешком, преодоление огромного расстояния в Китае на грузовике, даже с учётом борьбы с подступающей тошнотой, всё же было более терпимым испытанием.

В конце концов мы достигли реки Меконг, где пролегает граница между Китаем и Лаосом. На берегу реки мы обнаружили человеческий труп — бессловесное свидетельство того, что опасность никуда не девалась. Те, кто видел эту сцену, исполнились страха, но, с другой стороны, увиденное сплотило всех нас. Мы стали действовать единодушно, как одна команда, и заботливо помогали друг другу, только что став свидетелями последствия путешествия в одиночку. Это зрелище надолго запечатлелось в памяти каждого из нас.

Когда за нами прибыли лодки, семью пришлось разделить, потому что наша группа прибыла последней. Нас с сыном посадили в одно судно, а дочь — в другое. Мы горячо молились, чтобы Бог сохранил её и помог нам безопасно добраться по реке до Таиланда, где мы смогли бы обратиться в посольство Южной Кореи.

Через шесть часов путешествия по реке мы остановились, чтобы отдохнуть, перекусить и пересест с китайских лодок на лаосские. В конце концов наша группа прибыла в пункт назначения — порт в Таиланде. Меня выбрали лидером двадцати семи беженцев и поручили следить за тем, чтобы мы всё

время держались вместе. Поскольку мы не знали, где найти посольство, то решили сдаться в полицию. В Китае нас бы отправили обратно в Северную Корею, а здесь, в Таиланде, мы знали, что первое время будем находиться в тюрьме, а затем нас отправят в Южную Корею.

В тюрьме мы познакомились с первыми южнокорейцами, официальными лицами, которые приехали на встречу с нами. В то время у меня была брошь в форме креста, которую я прятала в Северной Корее, и я радовалась тому, что теперь могу носить её открыто. Южнокорейский переводчик, христианин, увидев её, радостно поприветствовал меня. Большинство северокорейцев приходят к познанию Христа, уже бежав с родины. Однако моя брошь свидетельствовала о том, что я была христианкой ещё до побега. Позже мы узнали, насколько редкими являлись подобные случаи. Многие южнокорейцы скажут потом, что мы были единственными известными им северокорейцами, исповедовавшими христианство, живя в Северной Корее, а не узнавшие о Боге в Китае. Ведь большинство практикующих христиан в Северной Корее попадают в концентрационные лагеря или тюрьмы, как мой муж. Это было ещё одним напоминанием о том, что только Бог, у Которого, должно быть, была цель для нашего побега, мог сделать наше путешествие успешным.

Ту ночь мы провели в тайской тюрьме, что является обычной практикой для северокорейских беженцев. Правительству Южной Кореи необходимо выявить и отсеять шпионов правительства Северной Кореи, не говоря уже о корейских китайцах, которые выдают себя за северокорейцев, пытаясь переселиться в Южную Корею. Поэтому процесс расследования является довольно интенсивным и, как я потом поняла, довольно дорогостоящим. Я думала, мы проведём в тюрьме только одну ночь. Но когда мы обратились в суд, ко мне подошёл тайский полицейский, который показал документ и сказал: «Вы незаконно

находились в Таиланде. Оплатите штраф». И так, мы приготовили около сотни долларов каждый. К сожалению, мы не могли понять, как, когда и кому заплатить этот «штраф», поэтому в итоге остались в заключении ещё на пять дней, что стоило ещё два доллара на человека в день. Но мы не жаловались. В тюрьме были хорошие одеяла и полы, и мы могли принимать душ. Что же касается еды, она нам не очень нравилась, поэтому мы ждали вечера, когда можно было добавить в принесённую нам пасту из красного перца, чтобы перебить запах, при этом не затронув ничьих чувств. Мой сын даже поправился, потому что в тюрьме мы так хорошо питались. Если было бы необходимо, то северокорейцы охотно бы согласились жить в таких условиях вечно.

Однако даже теперь не все трудности остались позади. Нас перевели в другое место содержания, которое больше походило на настоящую тюрьму. Судя по всему, многие северокорейцы умерли от голода, пребывая в её застенках из-за отсутствия денег и помощи. Заботливые беженцы, которые побывали в этой тюрьме прежде нас, нацарапали на стене сообщения с полезной информацией о том, как остаться в живых — кому и сколько заплатить, куда стоит и куда не стоит обращаться. Но более всего мы обрадовались сообщению, которое обнаружил мой сын, нацарапанному на стене моим мужем, чтобы помочь тем, кто последует за ним, возможно, даже нам. Там было написано: «Чтобы добраться до следующей тюрьмы, нужны деньги. Стоимость проезда в автобусе составляет 650 вон. Если не сможешь заплатить, умрёшь от голода».

Поскольку у нас были деньги, нам пришлось провести здесь всего один день, прежде чем нас отправили в Бангкок. Если всё это кажется вам серией незапланированных событий и действий, то это потому, что так было и остаётся для каждого северокорейца, который совершает побег. Только что мы ели в закускойной в Бангкоке, где подавали довольно

приличную еду, а в следующую минуту нас загнали в «лагерь» для северокорейских беженцев, где условия жизни были ужасными. Потом нас отправили в изолятор для выходцев из разных стран — нищих и стариков, у которых ничего не было, но которые постепенно передвигались вниз по дельте Меконга в Бангкок в поисках лучшей жизни. Он был переполнен, и мы понятия не имели, как долго мы там пробудем. Сколько часов? Дней?

Когда становишься беженцем, тебе никто не обязан ничего сообщать и объяснять. Ты просто идёшь туда, куда тебя заставляют, стоишь там, где тебе велят, не обращаешь внимания, когда тебя снова и снова обыскивают, и молишься, чтобы Эммануил был с тобой и сохранил твою семью. А молясь, ты стоишь в буквальном смысле слова на одной ноге, потому что в камере слишком тесно, чтобы стать на обе. В конце концов я сдалась и заплатила два доллара, чтобы получить доступ к особой зоне, где мы наконец смогли сесть.

Примерно через три часа пришёл человек из посольства Южной Кореи и отвёл нас в место, где были только северокорейские беженцы. Нас усадили рядами. Южнокорейский чиновник вёл себя надменно. Он посоветовал мне написать о себе, что я и сделала. Поскольку моя дочь была беременна, я помогла ей устроиться поудобнее, чтобы она могла расслабиться, но мне пришлось обойтись немного грубо с другими, чтобы занять побольше места. Ведь мать остаётся матерью даже в тюрьме.

Я обрадовалась, обнаружив, что там были и другие христиане. Они проводили в камере богослужение, и мы присоединились к ним. Они, казалось, поняли, что я не была новообращённой верующей, а христианкой с некоторым опытом, поэтому попросили меня провести служение. Я отказалась и просто приняла участие. День за днём время тянулось одинаково. Кто мог быть более благодарен за такое, чем мы? И чьи головы

были переполнены мыслями более, чем наши? Мы думали о тех, кто остался в Северной Корее, о тех, с кем мы познакомились в дороге, и о тех, с кем ещё предстоит познакомиться на новом месте.

Через двадцать дней нас посадили на самолёт. Это было не так скоро: в Таиланде северокорейские беженцы быстро понимают, что важно уехать одними из первых. Вероятно, нам предоставили такую возможность, потому что моя дочь была беременна. Однажды у нас на глазах кто-то толкнул другую беременную женщину в живот, в результате чего она потеряла ребёнка. Видимо, толкнувший тоже хотел покинуть Таиланд первым.

Нас предупредили не давать ложной информации и не брать с собой сотовые телефоны. Мы сделали, как нам велели, и заняли свои места в самолёте. Вытягивая шею, мы выглядывали в иллюминаторы и наблюдали за полётом, который после столь изнуряющего путешествия в несколько тысяч километров должен был привести нас в новый мир, расположенный совсем недалеко от места, где находился наш дом, который мы покинули всего несколько месяцев назад.

Прибыв в Южную Корею, я испытала замешательство, хотя совершенно другого характера, чем то, которое пережила, впервые попав в Китай. Язык здесь очень отличается. Разница между северокорейскими и южнокорейскими диалектами составляет около 40 процентов, но южнокорейский всё же более понятен, чем китайский. А вот корейская еда остаётся корейской, будь то к северу или к югу от демилитаризованной зоны. Самая большая разница между Северной и Южной Кореей — это количество автомобилей и чистота городов. Я слышала, что жизнь в Южной Корее намного лучше, чем наша, и теперь могу сама убедиться в этом. Впервые увидев поток машин, я подумала, что, должно быть, сейчас проходит какая-то большая конференция, на которую съезжаются множество людей. Вско-

ре я обнаружила, что граждане Южной Кореи могут поехать куда угодно и когда угодно, и это резко контрастирует с тем, как нам пришлось пробираться по горам, потому что у нас не было официального разрешения на передвижение по Северной Корее, выданного властями.

Когда мы прилетели в аэропорт, у нас сложилось весьма хорошее впечатление о Южной Корее, потому что нам не пришлось предъявлять какие-либо документы и разрешения. В то время как переезжающие из Китая должны были получить удостоверение личности, мы были уже гражданами страны: все северокорейцы по определению являются гражданами Южной Кореи, поскольку Корейская война официально так и не завершилась. Поэтому нам не требовалось никаких разрешений, документов или чего-либо ещё. Мы все одна семья — и северокорейцы, и южнокорейцы. Меня это ошачливало. Даже сейчас я испытываю огромную благодарность за такое отношение. В тот момент на таможне я пережила такое же сильное чувство благодарности, как когда впервые увидела рождественские огни в Китае.

Есть много того, что может удивить или озадачить в том, как северокорейских беженцев знакомят с жизнью в Южной Корее. Например, мужчин и женщин содержат в разных помещениях. Им не разрешается общаться, даже мужьям с жёнами и родителям с детьми. Такие меры предосторожности связаны с растущим числом шпионов, выдающих себя за беженцев, которых правительство Северной Кореи направляет для проникновения в южнокорейское общество. Как и в Северной Корее, когда собираются три человека, один из них, скорее всего, — шпион. В этом плане жизнь северокорейцев, прибывающих в Южную Корею, не сильно отличается — шпионы повсюду. Таким образом, всяческие проверки и расследования входят в ежедневную рутину жизни беженцев в течение нескольких месяцев. Нас обследовали, исследова-

ли и инструктировали касательно жизни в Южной Корее, сначала в течение трёх месяцев в одном из южнокорейских правительственных учреждений, а затем ещё в течение трёх месяцев — в другом. Моей дочери разрешили уехать раньше в связи с беременностью.

Что касается меня, в *ханавоне* — учреждении натурализации северокорейцев — проводились церковные богослужения. Мне пришлось многому научиться и пройти долгий путь, чтобы оправиться от пережитого. Есть северокорейцы, которые живут в Китае нелегально в течение нескольких лет, прежде чем отправиться в столь изнурительное путешествие в Южную Корею. Они часто несколько раз заключают брак, заводят детей, иногда делают то, что потом пытаются скрыть, и поэтому привлекают внимание государственных следователей. На их фоне наш послужной список был слишком беден и неинтересен. Южнокорейский персонал центра хорошо к нам относился, потому что мы пробыли в Китае всего несколько недель. Тем не менее я не смогла встретиться со своим сыном и мужем, так как они подверглись аналогичному расследованию в соответствующем учреждении для мужчин. Поэтому я задавалась вопросом, каково было бы снова увидеть мужа после стольких месяцев разлуки? Оказалось, что это было почти так же, как когда мы впервые познакомились в северокорейском институте много лет назад.

Я вспомнила, как мы прошли мимо друг друга, обменявшись минимальным количеством слов. Теперь, в конце февраля 2010 года, я столкнулась с мужем, когда все мы были на экскурсии и ели в южнокорейском ресторане. Тогда нам не разрешили даже поздороваться, но мы смогли поприветствовать друг друга кивком. И эта встреча была немного романтичней, чем первая: когда я поднималась вверх, он сделал жест руками, изображавший сердце, чтобы сказать, что любит меня. И я сделала то же самое в ответ.

Постепенно срок нашего пребывания в учреждении натурализации подходил к концу, и нас, одного за другим, освободили. Когда муж вышел, дочь ждала его с новорождённым малышом за спиной. Когда отец и дочь встретились, они не обнялись, как это показывают в сериалах, а похлопали друг друга по плечу и вместе поехали на автобусе домой. Такие вот похлопывания и совместные поездки на автобусе иногда лучше и глубже, чем экранные объятия.

Выйдя из учреждения натурализации, мы с сыном поехали к дочери. Дорога была мучительной, потому что меня снова укачало. Но когда мы приехали, я до сих пор помню эту сцену: муж, дочь и внучка смотрели на нас через окно. *Поколения веры...*

В полном восторге мой муж сбежал вниз, чтобы приветствовать нас. Вы можете задаться вопросом, какие тёплые и романтические слова он сказал мне в тот миг, однако вместо них он объяснил нам, как пользоваться лифтом. В конце концов мы ещё не совсем закончили своё путешествие — мы все стояли в коридоре, охваченные эмоциями, — и он намеревался заботиться о нас на каждом следующем этапе пути, как и с самого начала, даже в гостиниой нашей дочери.

Я не могу выразить, насколько счастлива я была в тот момент. Несмотря на то, что я могла видеться с дочерью и внучкой, когда они навещали меня в учреждении для натурализации, мне было не по силам сдерживать слёзы, увидев их снова. Наверное, плакать вполне нормально, когда чувства радости и счастья переполняют при долгожданной встрече с близкими.

Продолжая похлопывать друг друга по плечу, мы проговорили ночь напролёт, ведь с тех пор, как мы в последний раз были вместе, прошёл уже год. Наш сын стал теперь на год старше, выше — и толще! — а дочь родила малыша. Мы узнали о том, как муж добрался до Южной Кореи, и обо всём, что он сде-

лал, чтобы проложить путь сюда и нам. Услышав всё это, я не могла не разрыдаться. Мы продолжали разговаривать до пяти часов утра, но даже под утро не смогли уснуть. Мы заполнили холодильник мясом, рыбой и фруктами. Муж был так счастлив! Он то и дело повторял: «Телевизор работает хорошо, и нет перебоев с водой! Можно постоянно мыться!»

Я могла бы написать целую книгу о нашем пребывании в Южной Корее — обо всех открытиях, встречах и чудесных моментах, которые мы пережили в церкви, в продуктовых магазинах и в разговорах с людьми по всей стране и даже по всему миру о нашей жизни в Северной Корее. Но это не та книга, которую Господь велел нам написать.

Книга, которую Господь хочет, чтобы мы написали, началась с того, что бабушка простёр руки, загоразивая дверной проём церкви в Китае почти столетие назад. И теперь настало время завершить сию книгу так же, как она началась, потому что она повествует о поколениях веры семьи Бэ, и свидетельство, данное нам, чтобы принять и передать вам, — это история об Эммануиле, Боге нашего исхода. И вашего исхода тоже.

9 января 2011 года в первом часу ночи, родителей моего мужа должны были забрать на автомобиле и перевезти через границу в Китай, а затем сопроводить до Южной Кореи. Когда они достигли восьмидесятилетнего возраста, мы хотели, чтобы поездка была для них как можно более комфортной.

В пять часов утра мы всё ещё не имели известий от проводника, который должен был встретить их на китайской стороне. Мы связались с ним по телефону. «Нет новостей, — сказал он. — Они ещё не приехали».

Оказалось, что они уже никогда не приедут. Через несколько дней муж позвонил друзьям свекрови. «Твоих родителей поймали. Если будешь мне звонить, нас тоже арестуют. Не

звони больше», — раздался испуганный шёпот на другом конце телефонной линии.

В июле 2011 года мы узнали, что родителей мужа отправили в концлагерь. Евангелизация в Северной Корее рано или поздно приводит именно туда.

И чем больше я узнаю мир за пределами Северной Кореи, тем больше понимаю, что смелая и самоотверженная жизнь ради Евангелия доставит неприятности везде, где бы ты ни жил. Апостол Павел пишет юному Тимофею во 2 Послании Тимофею 3:12: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы».

Концентрационные лагеря в Северной Корее — это тёмные и страшные места. Практически никто никогда не убегает из концлагеря, и, конечно же, никого оттуда не выпускают. Каждому заключённому выдаётся мизерная порция каши, тщательно рассчитанная на то, чтобы он влачил существование, пока его место потребуется для другого.

В такое место сослали родителей моего мужа. Вот где они сейчас доживают дни. В свои восемьдесят они — безымянные, безликие винтики крупнейшей системы концентрационных лагерей, когда-либо существовавших в истории человечества. Пережить там день — сплошной кошмар.

Так что, возможно, вы огорчены или разочарованы тем, что книга, которую нам велел написать Бог, теперь подходит к завершению. Если это так, позвольте мне поделиться с вами кое-чем, что, я надеюсь, может вас ободрить: *возможно, на этом книга и заканчивается, но история поколений будет продолжаться до возвращения Эммануила.*

Когда мой муж был ещё ребёнком, его мать спросила своего отца: «Отец, вы действительно слышали голос Бога?» Когда он ответил «да», она попросила его рассказать об этом подробнее. И он поведал ей, что голос Бога особенно ясно звучал в то время, когда он постился, молился или спал. На это мама

ответила, что хотела бы слышать этот голос так же, как он. Ей было грустно, что она не слышит Бога, и она молилась о такой же глубокой вере, которая была у её отца.

Когда мой муж был мальчиком, его семью сослали в бесплодную сельскую местность — из-за того, что его мать оказала помощь нуждающейся знакомой, которую государство считало преступницей. И когда муж напомнил ей, что именно её доброта привела к тому, что семья оказалась в таком месте, мать ответила: «Мы должны ходить в веру каждый миг и никогда не позволять ей поколебаться».

Когда положение ухудшилось ещё больше, она сказала членам своей семьи: «Чего мне бояться? Бог на моей стороне, и Он проложит нам путь даже в самые трудные времена, Он решит все наши проблемы. Зачем заикливаться на трудностях?»

Сегодня где-то в концентрационном лагере в Северной Корее кто-то из заключённых впервые услышит о Ноевом ковчеге, Содоме и Гоморре и о том, как Бог создал человека. И всё это потому, что Бог так любит людей, что послал маленькую и сторбленную восьмидесятилетнюю женщину, которая поведает им Благою весть.

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Евангелие от Иоанна 1:5).

Поколения верующих продолжают своё существование, они всегда будут жить на земле. И лучшее служение, и глубочайшая вера моей свекрови, а также моя собственная — и ваша тоже — ещё впереди.

Послесловие автора

Чуть более ста лет назад Пхеньян, который сегодня является столицей Северной Кореи, был местом, где началось возрождение, настолько масштабное, что город стал известен как «Иерусалим Востока»¹⁹. Пробуждение произошло в январе 1907 года во время молитвенного собрания в Первой церкви Пхеньяна, которая на тот момент была самой большой общиной в Корее. Уильям Блэр, миссионер, присутствовавший на том молитвенном собрании, назвал его «корейской Пятидесятницей» и так описал его: «Молитва звучала для меня, как падение многих вод, океан, бьющийся о престол Божий»²⁰.

Эта история о Великом пхеньянском возрождении 1907 года хорошо известна в мире. Однако есть менее известная история, произошедшая на второй день пробуждения. Когда все в церкви радовались чудесному излиянию Духа, Бог послал могущественное знамение того, что должно было произойти.

«Пастора Чу, одного из ведущих корейских христианских руководителей, окончившего пресвитерианский колледж и богословскую семинарию, а затем ставшего пастором Первой церкви Пхеньяна, попросили проповедовать на второй день пробуждения. Он в буквальном смысле слова *„связал себя и не мог вырваться из пут“*, а затем воскликнул: *„Вот что делает пробуждение: оно срывает с вас грех и освобождает“*»²¹.

Пришло пробуждение, и люди были в восторге. Они кричали: «Это настоящая свобода!» Но через пастора Чу Бог хотел дать церкви новое понимание свободы: не той свободы, которую даёт мир, а свободы во Христе, которая в глазах мира выглядит как рабство. Во время проповеди пастор Чу не разорвал своих

оков, а продолжал искренне провозглашать Слово, находясь в них — как это делала северокорейская церковь на протяжении более ста лет своего существования.

В течение первых двадцати лет правления Ким Ир Сен руководил систематическим истреблением христиан. Он достиг в этом таких успехов, что до сих пор у историков мало свидетельств того, что христиане вообще существовали в Северной Корее с конца 1960-х до начала 1990-х годов. История семьи Бэ является историческим подтверждением того, что мы читаем в 3 Книге Царств 19:18: «Бог всегда хранит остаток людей, не преклонивших колени перед ложными богами, уста которых не лобызают их».

Северная Корея, возможно, первая страна на земле, церковь которой состоит из такого огромного количества мучеников. Сто тысяч верующих, которые в настоящее время находятся в Северной Корее, были возвращены на крови многих верных свидетелей, как и многие другие северокорейцы, которые уверовали в Христа и были преданы смерти за исповедание веры в Него.

Приблизительно тридцать тысяч современных северокорейских христиан — среди которых мать и отец г-на Бэ — живут верой, отбывая заключение в концентрационных лагерях. Нашим первым побуждением может быть сделать всё возможное, чтобы они вышли на свободу. Но вторым должно быть воспоминание о том, что под свободой Бог понимает нечто иное, а не то, что подразумеваем мы. По разным оценкам, от ста пятидесяти до двухсот тысяч северокорейцев отбывают заключение в этих лагерях²². Большинство из них закончат там свои дни. Почему Бог, Который является Богом безграничной любви, не делает ничего, чтобы лично встретиться с этими людьми и утешить их, заверив, что они не забыты? А может, Он всё-таки использует тех, кого Он специально взрастил и подготовил для подобной цели, тех, с кем Он находился каждый день в бесплодной пустыне и в изгнании, тех, кого Он назвал своими друзьями?

«Помните узников, — призывает нас Послание к Евреям 13:3, — как бы и вы с ними были в узах». Если отнестись к этому месту Писания недостаточно осторожно и внимательно, то можно неверно истолковать его как призыв к состраданию по отношению к христианам, таким как родители г-на Бэ. Но если мы будем внимательны, то сочтём это призывом подражать им. Это не означает, что нам следует стучать в ворота концентрационного лагеря и требовать, чтобы нас заперли там. Напротив, это означает, что, когда мы оказываемся во тьме, вместо того чтобы сосредотачивать свои мысли на побеге, мы должны стремиться излучать свет на том месте, где мы находимся. Или, как однажды сказала мать г-на Бэ: «Чего мне бояться? Бог на моей стороне, и Он проложит нам путь даже в самые трудные времена, Он решит все наши проблемы. Зачем зацикливаться на трудностях?»

Тот же самый посыл был дан Иисусом апостолу Петру, когда они вместе шли по берегу моря. «Когда ты был моложе, ты одевался и ходил, куда хотел, — сказал Иисус в Евангелии от Иоанна 21:18, — а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт, куда не хочешь». И мы можем справедливо добавить, что, даже оказавшись в такой ситуации, — излучайте свет!

Господь исполнил молитву матери г-на Бэ о такой же глубокой вере, какая была у её отца. К этому месту ведут мало хорошо освещённых и удобных дорог. Пусть Всемогущий Бог, Бог семьи Бэ, благословит их на постоянное верное служение на протяжении жизни всех поколений их семьи, доколе Он грядёт. И да подражаем мы их жизни, поскольку они подражали Ему, даже находясь в самом тёмном месте самой тёмной страны на земле.

Список литературы

- 1 International Institute for Strategic Studies; Hackett, James (ed.) (3 February 2010). *The Military Balance 2010*. London: Routledge, 411-413.
- 2 Defence Forum India, “*New Threat from N.Korea’s ‘Asymmetrical’ Warfare*,” April 29, 2010, <http://defenceforumindia.com/showthread.php?t=9887&page=1>.
- 3 “*The Underground Economy*,” January 8, 2011, <http://www.offshore-advisors.com/the-underground-economy.html>.
- 4 Bill Powell and Adam Zagorin, “*The Tony Soprano of North Korea*,” Time, July 12, 2007, <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1642898,00.html>.
- 5 “*Discussion of Why Juche Is Classified as a Major World Religion*,” April 23, 2005, <http://www.adherents.com/largecom/Juche.html>.
- 6 Andrei Lankov, *North of the DMZ: Essays on Daily Life in North Korea* (Jefferson, NC: McFarland & Company, 2007), 33-37. See also Kondgan Oh, “*North Korea: The Nadir of Freedom*,” Foreign Policy Research Institute, May 2007, <http://www.fpri.org/footnotes/1216.200705.oh.northkorea.html>.
- 7 World Center for North Korea Missions, “*A Look at Christianity in North Korea*,” April 15, 2002, <http://www.crosswalk.com/1135128/>.
- 8 The Voice of the Martyrs, “*This Is Our Victory*,” October 2008, http://www.persecution.com/uploads/media/downloads/117_ThisOurVictory-October2008.pdf.
- 9 SatBytes, “*Did North Korea Launch a Satellite?*,” 2006, <http://www.spacetoday.org/Satellites/SatBytes/NoKoreaSat.html>
- 10 “*North Korea Religion*,” 2009, <http://www.northkoreanchristians.com/religion-north-korea.html>.
- 11 “*North Korea Religion*,” 2009, <http://www.northkoreanchristians.com/religion-north-korea.html>.
- 12 Michael Bristow, “*North Korea: Life in Cultural Isolation*,” BBC News Magazine, December 20, 2011, <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-16243995>. See also Sunny Lee, “*God Forbid, Religion in North Korea?*,” Asia Times Online, May 12, 2007, <http://www.atimes.com/atimes/Korea/IE12Dg01.html>.
- 13 Anne Penketh, “*God Is Dead. Long Live Kim Il Sung*,” The Independent (UK), September 17, 2004, <http://www.rickross.com/reference/nkorea/nkorea27.html>.
- 14 Information from here through the end of the chapter comes from Seoul USA, “*The History of the North Korean Underground Church*,” 2012, <http://www.seoulusa.org/mediafiles/2012-03-susa-knewsletter.pdf>.
- 15 Park Hyun Min, “*Believers at Pyongyang Bongsu Church are Members of Chosun Workers Party*,” Daily NK, June 8, 2007, <http://www.dailynk.com/english/read.php?catId=nk01600&num=2194>.
- 16 Chosunilbo, “*More N.Korean Workers to Earn Valuta for Kim Jongun*,” english.chosun.com, April 27, 2012, http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2012/04/27/2012042701255.html.

- 17 Paula Hancocks, "North Korean defector stands for South Korean election," CNN U.S., April 10, 2012, http://articles.cnn.com/2012-04-10/asia/world_asia_north-korea-defector_1_cho-north-koreadefectors?s=PM:ASIA.
- 18 См. 3 Царств 19:18.
- 19 George Thomas, "The Pyongyang Revival 100 Years Later," CBN. com, June 29, 2007, <http://www.cbn.com/CBNnews/188123.aspx>.
- 20 C. Hope Flinchbaugh, "A Century After North Korean Revival, Dreams of an Encore," Christianity Today, January 31, 2007, <http://www.christianitytoday.com/ct/2007/januaryweb-only/105-32.0.html>.
- 21 Flinchbaugh, "A Century After North Korean Revival."
- 22 Харден Блэйн. Побег из лагеря смерти. Эжмо, 2012.

Содержание

О «Голосе мучеников»	3
Предисловие	5
Глава 1. Дед — христианский фанатик	15
Глава 2. Сын — вор картофеля	31
Глава 3. Мама — дарительница хлеба жизни	62
Глава 4. Жена — десантница	73
Глава 5. Семья — Эммануил	98
Послесловие автора	123
Список литературы	126

ПОКОЛЕНИЯ ВЕРЫ

В 1907 году с началом «Пхеньянского возрождения» в Северной Корее произошёл всплеск христианства. Миссионер Уильям Блэр свидетельствовал о том, что «молитва звучала... как падение многих вод, океан, бьющийся о престол Божий». Пятьдесят лет спустя огонь преследований высушил этот океан, однако от него остались несколько ручейков. История северокорейской семьи, повествующая о том, как её члены трепетно передавали Евангелие из поколения в поколение, совершая это вопреки реальным угрозам — арестам и допросам, отправке в лагеря и тюремным заключениям, смерти и величайшему из всех вышеперечисленных испытаний, которым является само выживание в этой стране, одной из наиболее ярых гонительниц христиан.

«Ужасающая правда о полномасштабных усилиях правительства Северной Кореи изолировать свой народ от Благой вести, правда, на фоне которой Бог чудесным образом использовал поколения семьи Бэ, чтобы сохранить мерцание света Евангелия в Северной Корее».

*Джим Дау, экс-президент
организации «Голос мучеников — США»*

«Исключительный путь веры разных поколений одной семьи, о котором должен прочесть каждый, кто всерьёз изучает историю христианства и Преследуемой церкви».

*Гэри Лейн, старший
международный корреспондент CBN News*

«Книга обязательна к прочтению в классах воскресных школ, на молодёжных и молитвенных группах и в собраниях».

*Хюн С. Сон, член совета директоров организации
«Беженцы из Северной Кореи в США»*